

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ

1612

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ
ПРЕОДОЛЕНИЕ СМУТЫ

400 ЛЕТ БОРЬБЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПРОТИВ
САМОЗВАНЦЕВ, ЦАРЕУБИЙЦ, МЯТЕЖНИКОВ,
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ТЕРРОРИСТОВ.

Русской славы имена

Андрей Савельев

**1612. Минин и Пожарский.
Преодоление смуты**

«Книжный мир»

2013

Савельев А. Н.

1612. Минин и Пожарский. Преодоление смуты /
А. Н. Савельев — «Книжный мир», 2013 — (Русской славы
имена)

Весь исторический путь России – это борьба государства со смутьянами, которые были движимы самыми разными мотивами: личным стремлением к власти, личной ненавистью к правителям, запросами внешних врагов, вздорными «идеями» и «теориями». В блестящей плеяде борцов за независимость Русского национального государства Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому принадлежит свое особое место. Их имена навсегда связаны с подвигом, который совершил русский народ во имя освобождения родины в 1612 году. Трагическое время пережила Россия в начале XVII века. Мор и голод, кровавые междоусобицы, вражеские нашествия разорили страну дотла. Но мудрые головы и храбрые сердца Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, собрав ополчение, спасли Русь от гибели. Каковы причины возникновения Смуты, затронувшей все без исключения стороны жизни русского общества и вылившиеся в полосу кровавых конфликтов, борьбу за национальную независимость и национальное выживание? И каким образом России удалось выйти из этого глубочайшего государственного кризиса? Если раньше, Русское чудо наступало в периоды ясности национального самосознания и в результате разумных действий власти, то теперь Русским чудом будет спасение России от Смуты, в которой мы живем уже не первое десятилетие. Преодоление Смуты новых времен – это главная задача живущих в современной России поколений.

© Савельев А. Н., 2013

© Книжный мир, 2013

Содержание

Предисловие	7
Самозванцы	11
Первая Смута	11
Малая смута	22
Раскольники	27
Цареубийцы	31
«Золотой век» на крови	31
Дворцовая расправа	36
Покушение на Верховную власть	42
Ритуальная казнь	49
Мятежники против Империи	53
Декабристы	53
Польский мятеж	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Савельев
1612. Минин и Пожарский.
Преодоление смуты

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© А. Н. Савельев, 2013

© Книжный мир, 2013

Предисловие

Смута сопровождает русскую историю и мешает становлению русского общества и русской нации – солидарного сообщества граждан. Мы будем говорить именно об этом – о мутных делах врагов России и деяниях русского народа, которые порой выставляются либо как обусловленные историческими закономерностями (а потому неподсудные нравственному суду), либо выдаются за подвиги в борьбе с самовластьем.

Представление о Смуте как о неизбежном моменте русской истории, обусловленном необходимостью перехода к новому формату социально-экономического порядка, новому социальному «космосу» и более прочному (чем до Смуты) государству идут теперь на смену формационной теории исторических трансформаций и теории циклизма русской истории. При достаточной объяснительной силе этой концепции, она удобна историкам, но ничего не дает политикам. Если политики решат, что Смута – объективная данность (а еще – своеобразие и особенность русской истории), то им остается только ждать, когда незримые законы сами собой все разрешат.

В то же время, история требует концептуального подхода. То есть, понимающего знания. Иначе она обращается в набор фактов, которые невозможно удержать в голове, в достоиние чудаков. А человек стремится к пониманию смысла истории, поскольку хочет продолжать своих предков или знать, от какого прошлого отрекается. Концепция может строиться как череда образов, выставляющая одних деятелей прошлого героями «без страха и упрека», других – воплощением зла, отживших порядков, за которые они цепляются, отстаивая свои привилегии. Поэтому концепция истории – это установленные границы между добром и злом.

Поскольку XX век перепутал, смешал все представления и создал в головах людей удобное вместилище для фальсификаций, то порой и Смуту могут выставить как позитивный момент истории, который очищает ее от всего устаревшего и обеспечивает прорыв в будущее. В действительности Смута – это «опыт зла», который забывается народом и элитами и напоминает о себе в тяжелых испытаниях, когда радетели «новизны» пытаются придумать для России и русских новую историю. И невероятных усилий и колоссальных жертв стоит возвращение к той истории, которую Бог дал. Перефразируя известную евангельскую истину, можно сказать, что Смута – это не та история, которая от Бога.

Пласты лжи, скрывающие божественную истину истории, создаются усилиями историков и обществоведов, которые пытаются подверстать жизнь под заготовленный ответ. Марксистская методология предложила простенькую схему, согласно которой все народы и государства движутся по одной и той же исторической колее, а последовательность событий predeterminedена непреложным законом противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Эта схема никогда не была верной и многократно опровергнута. Но она по-прежнему внедряется в головы российских граждан.

Интерпретаторы марксизма, исходя из этой умозрительной схемы, предопределили, что Российская Империя должна была пасть. Либеральная мысль поступает еще проще: оглядываясь в прошлое, она предполагает наличие некоего незыблемого закона, но без всякой теоретической подоплеки. Например: все империи распались, значит, и России надлежит погибнуть. Создается правило, согласно которому можно оправдать равнодушие к судьбе собственной страны, которой предписана смерть. И оправдание ненавистников России в настоящем, в прошлом, в будущем.

Стремление развенчать русскую традицию – симптом космополитической ориентации в государственном строительстве, своего рода политический заказ.

Развенчание идет как от люмпенского «простонародья» (нам все равно, что это будет за государство, лишь бы вволю было хлеба и зрелищ), либо от поверхностной образованности,

полагающей, что история движется интересами социальных групп, классов, партий; а не борьбой Добра со Злом. Для укорененного в национальной традиции гражданина ответственность не ограничивается лишь настоящим и ближайшим будущим; для православного человека очевидно, что мы несем ответственность перед Богом, а значит – перед вечностью, включающей потомков и предков.

Русский взгляд на историю России до сих пор не сформирован, все концепции и оценки, которые до сих пор получили широкое распространение в системе образования и в умах читающей публики, имеют мало общего с реальной историей и игнорируют множество фактов, которые изменили бы оценки на противоположные. Но все эти факты «не вписываются» в то, что принято считать общеизвестным.

Еще в начале XX века русский публицист Иван Солоневич писал: *«Принято говорить о гении Петра – однако, любая фактическая справка не оставляет от этой гениальности камня на камне. Принято говорить о безумии Павла Петровича, однако, простое перечисление изданных им законов показывает в Павле Петровиче огромный государственный ум, видевший неизмеримо дальше, чем видели его современники. Принято говорить о Николае Палкине, а это был человек, который, ежедневно рискуя жизнью, в тайных комитетах подготовил все для освобождения крестьян, – его сын только закончил по существу уже построенное здание. Об Императоре Николае Втором левые историки говорят, как о бездарности, правые – как о кумире, дарования или бездарность которого не подлежат обсуждению. Однако, ряд простейших фактических справок говорит о том, что даже и в области чистой стратегии Государь Император обладал неизмеримо большими творческими данными, чем все наши военспецы вместе взятые – и именно военспецы технически саботировали стратегическое творчество Государя Императора. Принято говорить о благоразверении воздухов в Царской России – однако, простой ряд самых простых фактических справок указывает на крайнюю неустойчивость внутривластительской жизни России. И если при Екатерине Второй, кроме пугачевского восстания, выступали с оружием в руках еще около двухсот тысяч крестьян, то "крестьянские беспорядки", почти не затухая, шли непрерывной волной – от Пугачева до Махно. А царевубийства – от "казни" царевича Алексея Петровича до убийства Царской Семьи в ипатьевском подвале».*

Становление русского государства связано с тяжелыми испытаниями XVII века, в течение которых помрачение охватило значительные массы населения и правящие слои. Там и там лишь складывалось новое понимание государственности, которое было отмечено Иваном III и Иваном Грозным, правление которых содержало элементы прежней «Руси уходящей» и нового Русского государства, в котором идея власти получала высший божественный смысл. Иван III стал первым русским царем, Иоанн Грозный – первым Помазанником, властителем, получившим сакральную санкцию на правление.

Власть признается народом, когда она ощущается как богоданная. Именно поэтому наследственная монархия оказывается более стабильной: родство – факт, не зависящий ни от чьей воли. Оно либо есть, либо его нет. А выбор на царство наисильнейшего или выгодного какой-то группировке может дать лишь локальный эффект, лишь приготовить восстановление царства после периода смуты.

Далеко не всеми на Руси миссия Царства была понята и принята. Извечный порок власти побуждал близких к престолу оспорить право на высшую власть. Но народ, как отмечал Солоневич, никогда не восставал против своего монарха. Именно поэтому смуты были преодолены, а мятежи подавлены. И лишь когда террор коснулся всей династии и всего народа, Империя пала.

Распространено мнение о крахе Империи, которое в краткой форме можно изложить так: «Николай был слабым царем. Сам виноват». Или еще хуже: «Николай был слабым царем. Он виноват в том, что разразилась революция и гражданская война, в приходе к власти больше-

виков». Этот ужасный навет гонит прочь нравственное начало, которое необходимо для обретения смысла истории.

«Победивший всегда прав» – тезис слишком примитивный, чтобы извлекать из истории уроки, необходимые современности. Исходя из него, можно дойти до отрицания христианства: ведь Христос «проиграл». Можно даже сказать, что христианство «проигрывает» борьбу за души и умы. Но это не отменяет Истины. Истина с успехом связана очень причудливо, и что считать «успехом» – большой вопрос. «Успех» смутьянов – это гибель Империи, и тягчайшие страдания, затронувшие сотни миллионов людей.

Весь исторический путь России – это борьба государства со смутьянами, которые были движимы самими разными мотивами: личным стремлением к власти, личной ненавистью к правителям, запросами внешних врагов, вздорными «идеями» и «теориями». В этой борьбе нет никаких «формаций», «классов», «объективных исторических законов». Есть практика неповторимых, но при этом ординарных ситуаций: постоянно и всюду безвластие порождает бесов раздора и Смуты, и государство должно иметь силу и решимость уничтожить их – не дать разорить то, что создано трудами многих поколений.

Сегодня мы стоим перед еще более сложной задачей. Бесовщина уже не может быть подавлена какими-то сторонними для каждого из нас силами. Она проникла уже всюду и грозит гибелью нашему государству, а вслед за тем – и нашему народу. Поэтому проблема, которую мы должны увидеть в историческом опыте России, состоит в том, чтобы вернуться к тем принципам государственного управления и национальной жизни, которые позволяли изничтожать бесовщину и выводить страну к новым этапам культурного, политического, экономического строительства.

Если раньше, Русское чудо наступало в периоды ясности национального самосознания и в результате разумных действий власти, то теперь Русским чудом будет спасение России от Смуты, в которой мы живем уже не первое десятилетие. Преодоление Смуты новых времен – это главная задача живущих в современной России поколений.

В нас есть Чудо, которое достаточно только вспомнить, усвоить из своей собственной истории. О чем грезил Гоголь в минуты открывшихся ему великих истин: *«Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. (...) Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, – доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и поворотанье людей было у нас родней даже и кровного братства, что еще нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры,*

ненависти, вражды – все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек».

Преодолев Смуту, будет Россия великой нацией – как один человек.

Самозванцы

Первая Смута

Смута начала XVII века была предопределена болезнями роста России как великой державы. Она расширялась пространственно и теснила другим крупные государства – Польшу, Швецию, крымских ханов. Россия превращалась в оплот изначального христианства – Третий Рим, которому суждено было создать вместилище для религии, определившей историю человечества на две тысячи лет.

Впереди было три века православного царства, казавшегося незыблемым. Именно Смута показала истинный путь священства – поддержка суверенной русской государственности и самодержавной власти. Над всеми метаниями священства в поисках своей миссии возвысилась фигура патриарха Гермогена, принявшего мученическую смерть от иноземцев, захвативших Москву. Именно Гермоген явил ту мощь духа и то направление помыслов о государстве, которые помогли одолеть смуту и вернуть Россию к «досмутному» состоянию. При этом подчиненное положение священства было отражено общей присягой новой династии, в которой священство соединилось с другими сословиями в общем служении.

И все же главный вопрос, который был разрешен через изгнание интервентов и самозванцев – это вопрос о самодержавной власти и о ее природе. Оказалось, что вручение власти наисильнейшему, кажущемуся самым достойным и дееспособным, вовсе не гарантирует стабильности крупного государства.

Накануне Смутного времени, в 1584 году царский престол наследовал болезненный сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович, который, по словам его отца, был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый», по народному определению – «блаженный», по злобному навету иноземцев – «дугак». В предубеждениях неблагодарных потомков Федор Иоаннович слывет «слабоумным». Казалось бы, фигура последнего представителя династии Рюриков второстепенна и даже неуместна. И тогда не может быть сомнений в том, что воцарение Бориса Годунова было благом – устранялась лишняя фигура, власть приобретала более зримые черты в харизматичной фигуре вождя. Но в действительности самовольное вступление Годунова на престол как раз и положило начало Смуте.

При всей внешней незаметности Федора Иоанновича – особенно на фоне Бориса Годунова, реальной распоряжавшегося всеми делами государства – именно он был гарантом единения народа и власти. Только при таком единении были возможны масштабные деяния Годунова: учреждение партиаршества, строительство городов и крепостей в Диком поле (Воронеж, Ливны, Белгород, Самара, Царицын, Саратов, Томск), восстановление опустевших после ордынского ига земель к югу от Рязани, успешная русско-шведская война и возвращение ряда русских земель и городов, строительство смоленской крепостной стены, Белого города в Москве, отражение нашествия в 1591 набега крымского хана Казы-Гирея.

Фёдор I Иоаннович (миниатюра из Царского титулярника)

Незримый договор между народом и властью позволил путем закрепощения крестьян преодолеть хозяйственный кризис и даже ввести меры в отношении беглых крестьян – розыск в течение пяти лет и возвращение на прежние земли. Вопреки досужим убеждениям наших современников, крепостное право вовсе не было актом насилия и порабощения. Оно было средством мобилизации в условиях хозяйственного кризиса, и принято народом как должное – до тех пор, пока власть воспринималась им как законная.

Царевич Дмитрий Иоаннович

После Федора Иоанновича престол должен был наследовать его младший брат Дмитрий. Но в 1591 году он погиб при невыясненных обстоятельствах. В течение столетий считалось, что это было убийство, организованное Борисом Годуновым. Но открытое расследование с публичным опросом свидетелей, которое проводил боярин Василий Шуйский, изученное современными историками, поставило эту версию под сомнение. Прямых причин убивать Дмитрия у Годунова не было. Царь Федор продолжал царствовать до своей смерти в 1598 году. До этого момента, вероятно, в народе не было сомнений в том, что расследование Шуйского добросовестно, и Дмитрий погиб в результате несчастного случая – в детской игре с ножом. Почему же эти сомнения возникли? Потому что власть, лишённая божественной санкции, теряет доверия, и на ее счет могут возникать любые предположения – и все они верны если не по фактической

стороне, то по сути. Даже если Борис Годунов не убивал царевича, он поступил так, как если бы намеренно лишил его жизни – занял на престоле чужое место.

После смерти Федора Иоанновича мужская ветвь династии Рюриковичей пресеклась, ближайшей родственницей почившего царя была его троюродная сестра Мария Старицкая, не казавшаяся заметной фигурой в расчетах властных группировок. Да и переход власти по женской линии не был тогда принят и понят. Бесспорным казалось наследование прав только по мужской линии. А коль скоро мужская линия пресеклась, то по внешнему достоинству престол должен был занять первенствующий среди знати по реальной власти. На царство был венчан Борис Годунов, бывший царю Федору шурином. Фактически речь шла о передаче наследственной власти через сестру царя.

Борис был поддержан Земским собором. Казалось бы, легитимность власти соблюдена, мнение народа учтено. Можно сказать, что «демократические процедуры» формально проведены. Но этого оказалось мало. Незримый договор народа и власти был разорван. Ведь Борис Годунов не был кровным родственником Рюриковичей. Он правил, но его право на престол показалось простому народу сомнительным и ничем, кроме силы, не подтвержденным. Что и привело к распространению слухов о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие и к интригам против Годунова его противников. Немалую роль в этом сыграла ориентация нового царя на Запад, приглашение иноземцев служить в России. Появившиеся самозванцы, выдающие себя за Дмитрия, опирались то на иноземные силы (Польша), то на сопротивление им (ополчение).

Царь Фёдор Иоаннович надевает на Бориса Годунова золотую цепь (А. Кившенко)

Царь Борис и сам понимал, что по знатности рода с ним могут соперничать Мстиславские, Шуйские и другие известные боярские фамилии, а потому всячески препятствовал их влиянию. По доносу он сослал и постриг в монахи Федора Романова и его жену. (Что и предопределило негативное отношение к Годунову в официальной историографии романовских времен). К концу своего правления Годунов заперся в кремлевских палатах, отказался принимать челобитные и потребовал, чтобы в каждой семье читалась особая молитва и поднималась заздравная чаша за царя. Подобное навязывание лояльности не могло не вызвать недовольства, переходящего в ненависть.

Царь Борис Федорович Годунов

По сути дела смутьянами в этот период выступали все влиятельные группировки, боровшиеся за власть. Не имея принципа разрешения споров вокруг прав на престол, они были обречены на кровавый конфликт. При этом народ также оказывался без руководящей роли аристократии и метался между воюющими группировками, не зная, к какой пристать.

Неурожайные годы способствовали росту недоверия к власти. Несмотря на то, что царь Борис установил контроль за ценами на хлеб и открыл для голодающих царские закрома. Этого оказалось мало. Недоверие к царской власти проявляло и боярство, не торопившееся делиться с народом запасенным хлебом. Это рассматривалось бы как поддержка Годунова, чьи права на престол выглядели все более сомнительными как в связи с начавшимися волнениями и восстаниями крестьян, так и в связи со слухами о спасении царевича Дмитрия.

В течение нескольких лет Смуты борьба за власть была одновременно и поиском утраченного доверия к власти, поиском легитимного правителя. При этом ключевую роль начали играть вовсе не лидеры боярских группировок, а самозванцы, в которых простому народу чудился настоящий царь, а вельможным интриганам – силовой захват власти.

Историки не раз отмечали, что появление самозванцев во время Смуты имеет социально-психологические корни и связано с русским характером и конкуренцией претендовавших на власть группировок. Фактически мы видим ту же замороченность народа «выборами», которую наблюдаем и теперь. Самозванец выступал в роли лидера (чаще всего мнимого) одной из «партий». Ему создавали образ царя (обряжали в великолепные одежды и устраивали пышный церемониал), а народ ублажали «предвыборными обещаниями» и раздачей подарков. Народ поддерживал то одну «партию», то другую – в зависимости от того, удавался ли очередному самозванцу «имидж» самодержца, и готова ли была свита, составленная из авантюристов, мечтавших о власти и поживе, свидетельствовать о подлинности царского достоинства.

Самозванец – в полном смысле «никто», человек без биографии, который из неизвестности стремится шагнуть на высшую ступень социальной иерархии. Либеральная демократия позднее превратила самозванство в принцип – люди, доселе никому не известные, становятся народными представителями, благодаря удачно разыгранной роли. Это политически артисты! Самозванец Смутного времени играл царя, современный политик играет народного представителя – депутата, мэра, президента. Важен не результат деятельности, а выдержанность роли. Если общество не способно жить обособленно от самозванца, то его роль предполагает также и жестокость: все, кто видит, что «король голый», должны быть уничтожены.

Самозванец – всегда порождение не только смуты, расстроившей народное самосознание и миссию власти, но и внешних сил, которые используют самозванство как ложный притягательный символ, побуждающих служить этим силам. Литва, Польша, католический Рим

лелеяли мечты поставить Русь под свой контроль, провести в жизнь собственные имперские проекты, превратить русские земли в свою периферию.

Боярские «верхи», придворные «партии», дав народу возможность «избрать царя», могли утвердить на престоле Бориса Годунова или Лжедмитрия (того, кто окажется удачливее). А могли привести на русский престол и польского принца Владислава – также по принципу «выборности». Принцип народности, как только он забывался властью, превращал его в орудие олигархии, спрятавшейся за тем или иным самозванцем.

Пётр Басманов, один из самых преданных Лжедмитрию I сподвижников, говорил: *«Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдём»*. Нечто подобное звучало и в наши дни: «Альтернативы Ельцину нет», «коней на переправе не меняют», «лучшего президента у нас нет».

Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма (Н. Неврев, 1874 г.)

Лжедмитрий I оказался беглым монахом Григорием по прозвищу Отрепьев от рода Нелидовых, который происходил из Литвы. Рано потеряв отца Юрий (Григорий) был воспитан матерью и отправлен на службу в Москву к Михаилу Никитичу Романову. Во время годуновской расправы над Романовыми, спасаясь от репрессий, Григорий постригся в монахи. Оказавшись в Чудовом монастыре, занимался перепиской книг и привлекался писцом в «государеву Думу». По доносу Григорий должен был быть схвачен и выслан в отдаленный монастырь, но воля царя не была исполнена: монах бежал в Речь Посполитую, где и объявил себя спасшимся царевичем Дмитрием, получил от короля Сигизмунда признание и жалование, а также право набирать наемное войско. В обмен на обещание отдать Польше большой кусок русской земли со Смоленском и поддержать распространение на Руси католичества.

«Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова» (К. Маковский, 1862)

В своем бегстве самозванец явно пользовался помощью противников Годунова. Есть основания полагать, что Отрепьев был лично знаком с патриархом Иовом и многими из думных бояр. Что Григорий готовился быть не только монахом, свидетельствует его умение ездить верхом и владеть саблей, а также европейская образованность. Смелость самозванца предопределялась уверенностью в поддержке антигодуновских сил и личном гипнотическом воздействии на толпу.

Во главе небольшого отряда из польских наемников и сечевых казаков Лжедмитрий I двинулся на Москву. И его план сработал. По пути следования отряда он превратился в многочисленное войско, а города один за другим сдавались ему и присягали на верность. На сторону самозванца переходил не только «черный люд», но и местное дворянство. Посланное Годуновым войско было разбито у Новгорода Северского, несмотря на значительное численное преимущество. У села Добыничи московская рать все же разбила войска самозванца, умело используя артиллерию. Поражение было также обусловлено ссорой Самозванца с польскими наемниками, в большинстве своем отправившимся назад к польской границе.

Победа не принесла избавления от самозванца. Террор против присягнувшего Лжедмитрию населения ожесточил его, а московское дворянство раскололось. Самозванцу дали уйти в Путивль, где под защитой донских и сечевых казаков он начал снова собирать силы. Кончина Бориса Годунова в 1605 году придала авантюре новый импульс. Москвичи при поддержке и одобрении боярства разграбили дворец, убили наследника – царя Федора Годунова, его жену и мать, вынесли тело Бориса Годунова из Архангельского собора «на поругание».

Последние минуты жизни Лжедмитрия I (Карл Вениг, 1879 г.)

Василий IV Шуйский

Самозванец утвердился в Кремле, начал проводить самостоятельную политику. Но слухи о его истинном происхождении уже гуляли в народе. Года не прошло, как Василий Шуйский организовал купцов и служилых людей для восстания против Лжедмитрия I и польского присутствия в Москве. Восставшие изрубили самозванца мечами и алебардами. Тело его было подвергнуто «торговой казни» – три дня оно лежало в грязи посреди рынка на Красной площади и подвергалось надругательствам, а затем было захоронено. Посмертные слухи о том, что «земля не принимает» труп самозванца и что над могилой «бесы расстригу славят», тело откопали, сожгли, а пепел выстрелили из пушки в сторону Польши.

После свержения Лжедмитрия I 19 мая 1606 года Василий Шуйский был возведен на российский престол. Как и большинство высших аристократов, Шуйский был рюриковичем. Дополнительные преимущества в родовитости ему давало родство со старшей ветвью потомком Александра Невского. Но его авторитет был зыбок. Равных Шуйскому по знатности было множество, а слава Шуйского была только в молве о его мучениях в застенках у самозванца. Правда, тот же самозванец помиловал Шуйского, и не лишил его жизни. Фактически мы видим тот же путь к престолу, что и в случае Годунова – силовой захват власти, которые лишь на краткий период времени мог показаться целесообразным и полезным для государства. Но цар-

ствование Шуйского было недолгим – оно не остановило Смуты, не пресекло появления новых самозванцев.

Мода на самозванство вызвала к жизни авантюры, вроде «назначения» казаками «царевича Петра» – мнимого сына Федора Ивановича. В 1607 выбрали из своего круга Илейку Горчакова, знакомого со столичной жизнью, и собрали войско, чтобы добиваться милости государя (Лжедмитрия I), но место на престоле было уже занято Василием Шуйским. Армии Лжепетра и воевод «царя Дмитрия» подступили к Москве, но были разбиты. Мятежники, прославившиеся своей жестокостью, сторонниками Шуйского также уничтожались беспощадно. Остатки разбитых сил были осаждены в Туле.

Одновременно на русско-польской границе объявился Лжедмитрий II – марионетка польских авантюристов, подобравших на роль «царя» человека, внешне похожего на Лжедмитрия I. Новый самозванец двинулся с войском поляков и казаков на помощь Лжепетру. Но не успел. Тула была сдана оголодавшими мятежниками, их главари были казнены.

В 1608 Лжедмитрий II попытался вновь подобраться к Москве и обосновался в Тушине вместе с многоплеменной массой авантюристов, отчего получил имя Тушинский Вор. Вокруг Москвы и в прилегающих землях начались массовые грабежи населения, проводимые польскими наемниками и присоединившимся к ним сбродом во главе с польскими воеводами. Между Москвой и Тушинским лагерем распределились боярские группировки. Оппозиционные Шуйскому силы предпочитали признать самозванца и даже образовали Думу при нем. Реальной властью при этом обладал пан Роман Рожинский.

В сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III решил, что с Москвой уже покончено, самозванцы исполнили свою роль, и двинул свои войска на Русь, осадив Смоленск. Другой причиной вторжения был союз Шуйского со Швецией против Польши. Так или иначе – на авансцене появился новый игрок, спутавший планы самозванца. Тушинские силы стали перетекать в лагерь Сигизмунда, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где намерен был отсидеться, пока не сложатся новые условия для марша на Москву. Парадоксальным образом вокруг него начали собираться антипольские, патриотические силы, которые впоследствии активно участвовали в Первом и во Втором ополчении.

Шуйский как царь Василий IV он имел еще меньше прав на престол, чем Борис Годунов. Фактически он был самозванцем, самопровозглашенным царем. Причиной краха власти Шуйского стали жестокие расправы со своими противниками и простым народом, разрыв с Романовыми и их главой – митрополитом Филаретом, а также с другими боярскими группировками. Но главной причиной краха была нелегитимная, незаконная в глазах народа власть.

После поражения войск Шуйского от поляков в 1610 под Можайском войска Тушинского Вора подошли к Москве и захватили Пафнутьев-Боровский монастырь. Близкий крах побудил дворян насильно свести с престола и постричь в монахи Василия Шуйского, а потом и выдать его полякам на погибель. Сложилась невыносимая ситуация: русские силы были разделены между самозванцем и интервентами. Те и те, бесспорно, были смутьянами.

Против Вора московская боярская Дума попыталась использовать союз с поляками – заключила договор о призвании на русский престол королевича Владислава. Московские «низы», напротив, надеялись на самозванца как на силу, направленную против поляков. Наступление Лжедмитрия II на Москву было остановлено приглашением польского войска гетмана Жолкевского в столицу. Бояре готовы были признать Владислава и даже одобрили чеканку монет с его изображением. Священство уже воздавало молитвы новому правителю. Но король Сигизмунд предпочитал московским интригам территориальные приобретения – захват Смоленска. Поэтому Владислав так и не появился в Москве.

Калужский лагерь самозванца между тем начал рассыпаться: искавшее власти и богатства дворянство вновь стало перебираться в Москву, пополняя пропольскую «партию». Самозванец был убит во время охоты ногайским князем. Но вослед претензии на престол были предъяв-

лены новым самозванцем Лжедмитрием III, сумевшим захватить Псков, а также сыном Лжедмитрия II, которому присягнули города Рязанской земли.

Решительная победа над самозванцами стала возможна в результате формирования народного ополчения под предводительством князя Дмитрия Пожарского, который призывал не признавать самозванцев. Но чтобы настроения народа качнулись в сторону формирования самостоятельной русской власти, нужен был подвиг патриарха Гермогена, который, может быть, первым понял, что власть инородцев ляжет тяжким бременем на русских православных людей. И стал рассылать по стране призывы об изгнании поляков. Веры светским правителям уже не было, поэтому на площадях русский люд готов был слушать только послания Гермогена. Их переписывали и распространяли повсеместно. Именно это и восстановило в сознании народа идею государственного суверенитета и суверенной самодержавной власти.

«Патриарх Гермоген в темнице отказывается подписать грамоту поляков» (П. Чистяков, 1860 г.)

Роль купца Кузьмы Минина – истинного народного героя – в формировании ополчения состояла в том, чтобы взять на себя грех насилия над состоятельными нижегородцами, которые не торопились помогать стекавшемуся под начало Пожарского люду. Минин с выборными от народа людьми пленил жен и детей богачей, пытавшихся остаться в стороне от народного движения и не тратиться на формирование русской власти. Жены и дети были выставлены на продажу в холопы, и деньги на выкуп у богачей нашлись. В результате ополчение было вооружено и организовано.

Поход ополчения на Москву в ноябре 1612 года был успешен: поляки были изгнаны. Василий Шуйский к тому времени умер в Польше, патриарх Гермоген был замучен голодом в польских застенках в Москве. Казалось бы, у Пожарского были все основания взять на себя ответственность за страну и, следуя путем Годунова и Шуйского, принудить знать и священство провозгласить его новым царем. Но в таком случае смута продолжилась бы.

Дмитрий Пожарский отказался от претензий на верховную власть. И тем совершил величайший подвиг самоотречения, который избавил страну от последующих волнений, который были неизбежны, если бы Пожарский стал править как царь. Многие считали, что он не простит прежних сторонников самозванцев, переметнувшихся в ополчение. Сведение счетов между боярскими группировками, каждая из которых была повинна в Смуте, не привело бы к миру. Пожарский понял это, и по этой причине его следует считать одним из главных героев, обеспе-

чивших преодоление Смуты. По достоинству его мы должны ценить выше царствующих самозвано Годунова и Шуйского – вровень с наиславнейшими русскими государями.

Избрание в марте 1613 года царем не причастного к борьбе за власть шестнадцатилетнего Михаила Романова разрешило все споры о власти. Фигура молодого царя символизировала освобождение от самозванства и смертельных схваток за власть между боярскими группировками, а также прощение взаимных обид между ними.

Михаил Романов был родственником царя Ивана Грозного по линии его первой жены Анастасии, на которой падает тень бесчинств опричников и царской челяди в более поздние периоды правления. Дед Михаила Романова приходился братом Анастасии. Кроме того, род Романовых сильно пострадал от Бориса Годунова, видевшего в нем множество конкурентов в борьбе за власть. Отец будущего царя Федор Никитич Романов, как уже говорилось, был разлучен с семьей, насильно пострижен в монахи и под именем Филарета заточен в монастырь.

Михаил I Фёдорович Романов

Превратности Смуты затронули Романовых и милостями от самозванцев, и карами. Лжедмитрий I пожаловал Филарету сан митрополита Ростовского, а его брату Ивану Романову – боярское звание. Затем Филарет оказался на стороне Василия Шуйского, но был пленен Лжедмитрием II, который уговаривал его действовать заодно и даже стать патриархом. Затем, когда и Шуйский, и Лжедмитрий II сошли с авансцены истории, Филарет возглавил делегацию, отправившуюся в Польшу с уговорами отдать Владислава на русский престол (с принятием им православного вероисповедания), но оказался там в плену, а потому не мог влиять на московские дела.

Мы видим возвращение ситуации к той, что была при царе Федоре Ивановиче – своего рода попятное движение русской истории. Первый Романов своей очевидной слабостью, но вместе с ней и невинностью, был аналогом «слабовольного» Федора – последнего прямого потомка Рюрика. Мы видим воплощение в русской истории библейского принципа: Сила Божья в немощи свершается. В немощи правителя перед боярскими группировками свершилась Воля Божья: русское государство получило фундамент – легитимную власть. Соборная клятва на верность новой династии, принесенная в 1613 году на Земском Соборе всеми сословиями, стала русской «конституцией», основой государственного строительства и консолидации общества на триста лет. Ее растоптали самозванцы XX века, от которых до конца мы не избавились до сих пор.

Что касается смутянов-самозванцев, то персонажи, подобные Лжедмитриям или Лжепетру, действуют во власти и в наши дни, позволяя бродить по Руси отрядам иностранных грабителей и бандам доморожденных разбойников. И будет это продолжаться до тех пор, пока не

восстановится легитимная власть, наследующая от прежних поколений государственную традицию отношений правителей и народа. Пока не восстанут против Смуты и смутьянов люди, подобные подвижнику Гермогену и герою Пожарскому. Они-то и создадут власть, следующую незримым Божьим законам, а не произволу человеческому, ищущему себе великих владык, которые на поверку не способны к государственному строительству.

Малая смута

Петр Великий продолжил реформаторские усилия своего отца, помножив их буйством своей натуры, которая и стала причиной как для его безоглядного возвеличивания, так и критики его личности и итогов его правления. Нет сомнений, что именно натура Петра вносила в государство смуту и порождала смутянство.

Само начало правления Петра связано с так называемой «малой смутой» – хованщиной. Его единокровный брат Федор Алексеевич, унаследовавший трон в пятнадцатилетнем возрасте после смерти Алексея Михайловича в 1676 году, правил тихо и недолго и скончался в 1682 году бездетным. Этот момент стал поводом для смуты. Дело в том, что за Федором Алексеевичем стоял его род его матери – Милославские, за Петром Алексеевичем – род его матери, Нарышкины. Если переход власти от отца к сыну был воспринят этими группировками как естественный и правомерный, то переход власти от брата к единокровному брату означал возможную смену лиц, определявших властную волю от имени юного царя. Поэтому на похоронах Федора Алексеевича его сестра царевна Софья устроила политический спектакль. Был он спровоцирован сторонниками Петра – патриархом Иоакимом, использовавшим проходящий в то время Земский Собор, который продолжал прежние реформы – уравнивание прав по сословиям, но сыграл свою роль в том, чтобы закрепить права Петра на престол. Собор провозгласил Петра царем. В ответ Софья распустила слух, что царь Федор был отравлен. На призыв к бунту откликнулись стрельцы – единственная военная сила, которая в Москве исполняла двусмысленную роль римской преторианской гвардии: требовала к себе особого отношения и особых размеров жалования.

«Сцена из истории Стрелецкого бунта. Иван Нарышкин попадает в руки мятежников» (Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Пока Пётр I утешает мать, царевна Софья наблюдает с удовлетворением) (А. И. Корзухин, 1882 г.)

30 апреля 1682 года стрельцы ворвались в Кремль с требованием к Нарышкиным выплатить долги по жалованию (а оно в силу сложного военного положения выплачивалось нерегулярно) и устранить неугодных полковников. Молодому царю (а скорее Нарышкиным) пришлось согласиться на условия стрелецкого ультиматума. 15 мая стрельцы вновь вламываются в Кремль – под предлогом распространенных слухов, что старший брат Петра Иван задушен Нарышкиными. Царица Наталья Нарышкина вынуждена выйти на Красное крыльцо с детьми. Но этого оказалось мало: в руках у стрельцов обнаружили списки неугодных, которые должны были быть им выданы. Из толпы слышались крики о том, чтобы Петр передал

корону своему старшему брату, который в действительности не мог править в силу душевной болезни. Начавшиеся бесчинства и убийства продолжались несколько дней.

«Стрелецкий бунт» (Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам, чтобы доказать, что он жив-здоров) (Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, 1862 г.)

Фактически власть в Москве была захвачена Милославскими. Им оставалось лишь поставить под сомнение царский статус Петра. Начальник Стрелецкого приказа князь Хованский выступил с инициативой совместного царствования Петра и Ивана. Под угрозой стрелецкого мятежа Боярская дума и Освященный Собор нарекли царем Ивана, а Петру досталась роль царя-соправителя. Через неделю было объявлено, что по молодости обоих царей от их имени будет править царевна Софья, затем смутьянам были выданы похвальные жалованные грамоты, а на Красной площади был установлен столп с именами убитых «злодеев» – убийство было объявлено геройством.

Так, опираясь на стрельцов, Милославские установили контроль за властью. И тут же подавили выступление крестьян, вздумавших использовать смуту, чтобы добиться и для себя каких-то послаблений по государственным обязанностям. Государственная традиция уже пустила корни, и борьба вокруг престола не отменяла учрежденных Алексеем Михайловичем порядков. Они были приняты правящими слоями, но еще не полностью укоренились в народе. Поэтому венчание на царство Ивана и Петра по новому церковному обряду были использовано сторонниками старого обряда для организации волнений. Под давлением раскольников в Грановитой палате Кремля в присутствии патриарха и царевны Софьи состоялись «прения о вере». Взаимные оскорбления дошли до того, что староверы потребовали, чтобы Софья отказалась от власти и ушла в монастырь. Расчет, что стрельцы поддержат смуту, в данном случае не оправдался. На следующий день лидер староверов суздальский священник Никита Пустосвят (прозвище о. Никите дал патриарх Иоаким, когда у него закончились аргументы) был казнен, а остальные участники «прений» схвачены и сосланы. Позднее – в апреле 1682 – был казнен и признанный лидер староверов Аввакум Кондратьев, проклинавший государственную и церковную власть за измену старой вере.

«Никита Пустосвят. Спор о вере» («прения о вере» 5 июля 1682 года в Грановитой палате в присутствии Патриарха Иоакима и царевны Софьи)(В. Перов, 1881 г.)

Стрелецкая смута, поставившая Софью правительницей царства, теперь захлестнула и ее. Князь Хованский подбил стрельцов потребовать сбора разового налога с дворцовых волостей в пользу стрельцов. Боярская дума отказалась это сделать. Под угрозой мятежа Царский двор и бояре бежали из Москвы под защиту монастырских стен. Празднование Нового года 1 сентября 1682 года обошлось без обычных торжеств. Царевна Софья из Саввино-Сторожевского монастыря объявила о сборе ополчения против мятежных стрельцов. Отец и сын Хованские были вызваны царицей в Коломенское, где схвачены и немедленно казнены. Стрельцы укрылись за стенами Кремля. Но без лидера они не смогли долго выдерживать противостояния. Софья вернулась в Москву с полками «иноземного строя» и ополчением, удовлетворившись повинной челобитной от стрельцов. Попытка затеять новые волнения среди стрельцов были быстро пресечены: новый глава Стрелецкого приказа думский дьяк Шакловитый казнил зачинщиков, а тех, кто проявлял беспокойство, выслал в «украинные города». Софья утвердилась у власти на семь лет, не помышляя ни о каких новых реформах.

Князь Иван Андреевич Хованский

Почему Милославские не уничтожили царей Ивана и Петра и не возвели на престол своего ставленника? Все дело в государственной традиции, заложенной Соборной клятвой 1613 года и реформами Алексея Михайловича. Без большой войны невозможно было переступить через престолонаследие. Пока власть Ивана и Петра – сыновей Алексея Михайло-

вича – была бесспорной, большая часть народа оставалась спокойной, рассматривая боярские распри как дело маловажное. Недвижной оставалась и армия, которая строилась по лучшим образцам европейских учителей. При посягательстве на царскую власть она, имея численное и качественное превосходство над стрельцами, сумела бы покарать смутьянов. Стрельцы к тому времени уже не были полноценным войском – они в основном занимались торговлей и участвовали в столичных интригах. Их судьба была предрешена военной реформой, которую в дальнейшем ускорил царь Петр.

Последний шанс не допустить самодержавного правления выдался у Милославских в момент единоличного воцарения Петра. В 1689 г. регентство Софьи заканчивалось. Не только старший царь Иван, но и младший Петр были уже женаты, и Петру исполнилось 17 лет. Формальное право править было за Петром, реальное руководство – за Софьей, которая расставила своих людей на все значимые должности. Взаимная подозрительность достигла предела, когда Петру донесли о готовящемся покушении. Петр укрылся в Троице-Сергиевом монастыре, куда прибыла и его потешная армия, ставшая уже вполне боеспособной. Отправленный Софьей к царю патриарх Иоаким предпочел не возвращаться. Петр потребовал к себе стрельцких начальников, угрожая смертью в случае неподчинения. Софья в ответ запретила под страхом смерти ездить в Троице-Сергиев монастырь. В лагере Софьи начался разброд, и она решила попытаться лично воздействовать на молодого царя. По пути ее с охраной задержали стрельцы, объявив, что царь ее не примет, а попытка ехать дальше встретит применение силы.

Чтобы ослабить рассыпать лагерь Софьи, слывшей продолжателем реформаторских дел и умонастроений прежних царей, Петр принял образ благонамеренного и богомольного правителя, предпочитавшего традиционно русские одежды и сторонящегося иностранцев. А переходящих на его сторону бояр, стрельцких начальников и простых стрельцов награждал. С боярами и высшим священством он с большой почтительностью вел длинные совещания. И показывал всем, что теперь-то он всерьез намерен стать русским царем и оставить скандальные развлечения Преображенского периода.

Заручившись поддержкой большинства бояр и переманив к себе основную воинскую силу, Петр нанес следующий удар: потребовал от стрельцов выдать последовательного сторонника Софьи Шакловитого. И снова угрожал смертью за неповиновение. Стрельцы потребовали от Софьи выдать главу стрельцкого приказа. Ей пришлось уступить, и Шакловитый был вывезен в Троицу, где и казнен за организацию покушения на царя. Потеряв всякую поддержку, Софья вынуждена была подчиниться приказу Петра переехать в Новодевичий монастырь, где и содержалась под стражей до стрельцкого бунта 1698 года, в котором смутьяны назвали ее имя как законной правительницы. После подавления бунта Софья была пострижена в монахини и умерла в монастыре через несколько лет.

«Утро стрелецкой казни» (Стрелецкий бунт 1698 года) (В. И. Суриков, 1881 г.)

В Малой Смуте принцип легитимности власти взял верх над политической мощью. Повторилось то, что в первой Смуте привело к длительным бедствиям – самозванство. Но в Малой Смуте самозванство не привело к захвату трона. И только это сохранило относительную стабильность в государстве и власти. Смуты не хотели группировки, конкурирующие по поводу власти. Они не рискнули поставить на карту судьбу страны – лишь бы повысить свои шансы уничтожить конкурентов. Поэтому Малая Смута отступила сама собой – со временем. Что и позволяет сделать вывод о том, что принципы властвования, определенные в 1613 году оказались правильными и благотворными для страны.

Раскольники

Самозванство – это не только поползновение занять царский престол, но попытка возвыситься над ним. Именно это отличает церковных раскольников, отпадающих от учения Христа и православных традиций отношения священства и Царства.

Царь Алексей Михайлович, восшедший на престол в 1645 году, в отличие от своего отца и предшественника, был подготовлен к царствованию, а потому ясно осознавал положение России и стоящие перед ней задачи. Россия все еще была государством рыхлым и нестойким. Во многом это определялось мощными внешними воздействиями, которые способны были в любой момент поставить под вопрос самое существование суверенного статуса державы. Но имелись также и внутренние нестроения. С одной стороны, осознанное именно Алексеем Михайловичем отставание от технического развития Европы, а вместе с этим – слабость в военном отношении. С другой стороны – проблема разнородности толкований вопросов веры, которые различно преподносились в великорусской, малорусской и исконной – греческой – традициях. Военная и религиозная реформа были насущной необходимостью, но вместе с тем – и риском. Новые смутьяны могли воспользоваться непростой ситуацией, сделать непонимание смысла реформ оружием против самодержавной власти.

Алексею Михайловичу удалось провести свои реформы и заложить основы превращения России в могучую империю. На долю этого великого правителя достались соляные и медные бунты, чумные эпидемии и неурожаи, военные неудачи и опустевшая казна. Все это удалось преодолеть тем, что законность власти и ее действий подтверждалась Земскими Соборами. В 1648 году Земский Собор принял Соборное уложение – фундамент русского законодательства на многие годы. В 1653 году Земский Собор созывается в последний раз – он выполнил свою функцию: власть царя стала поистине самодержавной, то есть абсолютной в рамках духовной и исторической традиции (чего не было в европейских абсолютных монархиях). Русская государственность окончательно укрепилась, и она до времени не нуждалась в санкциях со стороны всесловного законосоветательного представительства, выражавшего «мнение земли».

Портрет царя Алексея Михайловича (Неизвестный русский художник второй половины 17 века)

Россия в понимании людей, осознающих ее положение в мировой истории, может существовать только как великая держава. Или она распадется на множество государств и перестанет быть Россией. В условиях, когда суверенитет и развитие страны поставлены под вопрос,

это понимание требует сверхмобилизации – превращения народа в войско. Подобным образом в древности многие народы становились непобедимыми. Но теперь победу надо было заложить в сам государственный механизм, который впоследствии воспитает то, что теперь мы называем «политической нацией» – общность солидарности, подкрепляющей верховную власть сплоченностью подданных. По сути дела, именно это и сделало из русских лучших воинов на три столетия вперед.

Царь смог провести свои реформы и подавить крамолы и смуты только потому что привязал любую деятельность своих подданных к государственной службе. Все стали «крепостными». Не рабами, а сотрудниками в государственном строительстве, прикрепленными к своей службе. Крестьянин был прочно привязан к земле, и только это давало возможность из его скудной продукции выделять средство на содержание служилого дворянства. Которое также прикреплялось к военной службе. Посадское ремесленное и торговое население было обязано «тяглом» – податями, которые поддерживали казну, а с ней – и все государственные дела. Так образовалась государственная машина, которая обеспечила России мощный рывок вперед.

Оставалось священство – сословие, испокон веков независимое, и испокон веков стремящееся вмешиваться в государственные дела, а то и диктовать правителям, что им делать и как себя вести. Государственные реформы Алексея Михайловича не могли обойти Церкви, что и привело к вспышке религиозной смуты, последствия которой мы ощущаем на себе до сих пор.

Новый перевод и исправление богослужебных книг, который был затеян совместными усилиями Царя и патриарха Никона, не могли встретить понимания у церковных «низов», а с ними – и у простонародья, которое шло за духовными лидерами и символами веры, а вовсе не за текстами, нюансы перевода которых народ знал и не понимал. Союз высшего священства и Царства нанес удар по разлагающим целостность веры толкованиям – безграмотным интерпретациям Писания и обряда, а также по обнаружившимся в иконописании подражаниям еретическому европейскому Возрождению. Вместе с тем, заносчивость и репрессивный характер реформ породили смуту и протест религиозных подвижников, для которых любое отступление от древних книг, к тому времени уже окутанных религиозным опытом, воспринимали как кощунство. Символом раскола стал вопрос о том «как креститься». Разница между двуперстием и троеперстием со временем была признана патриархом Никоном несущественной. Но было уже поздно: раскол рассек русское общество, образовав в нем удивительно стойкую прослойку староверов. И в будущем эта прослойка сыграла свою роль в новых смутах – она в полной мере «отомстила» династии Романовых поддержкой большевицкой крамолы.

Портрет патриарха Никона с клиром (Д. Вухтерс, 1660–1665 годы)

В истории церковного раскола патриарх Никон, при всех его заслугах и личных достоинствах, оказывается смутьяном, попытавшимся устроить русское государство по принципу архаичных и малозначимых сообществ, где жрец возвышался над вождем племени. Чем попирался главный принцип имперской власти: правитель – первый жрец. Так было и в Римской Империи, так было и в Византии.

Но, судя по имеющимся историческим исследованиям, дух Смуты пронизывал все общество. И необходимо было жесткое принуждение народа к дисциплине и нравственному поведению. Власти приходилось выпускать указы по запрещению бесстыдных увеселений, ругательств. Где-то перегибая палку, полагали запрещать шахматы и качаться на качелях, требовали жечь домры, гусли и дудки. Ослушникам полагались батоги и тюрьма.

Порядок наводился и в церковных делах, которые находились в полном расстройстве. Священство предпочитало оставаться в стороне от тревог государства, получая от него различные льготы. Тяжелая и неудачная война с Польшей требовала мобилизации материальных и человеческих сил. Царю пришлось ограничить льготы монастырей, обложив священство налогами и даже мобилизовав часть разросшегося клира для воинского дела. Разумеется, священство роптало, а иные архиереи доходили до словесного буйства в адрес власти. Одним из жестких оппонентов власти оказался и патриарх Никон.

Личность Никона отмечена сильным, резким характером. Казалось бы, набожный и мягкий Алексей Михайлович должен был попасть под его контроль. Но кроткий царь проявил волю и не позволил патриарху встать над царем. Полагая, что одолеет в противостоянии, Никон принял на себя титул «великого государя» – то есть, высшего правителя, как минимум, равного Царю. Алексей Михайлович в этом противостоянии победил именно своей мягкостью и праведностью, а Никон уронил свое достоинство постоянными скандалами и конфликтами.

Суд над патриархом Никоном (С. Д. Милорадович, 1885 год)

Упадок церковных дел был связан не только с борьбой за власть, но и с расколом, подорвавшим у русского народа веру в то, что священство знает истину. Старые истины были опровергнуты, их адепты названы невеждами, о Стоглавом Соборе было сказано, что его постановления «писаны неразумно», «клятва без рассуждения и несправедливо положена». Православные патриархи, приехавшие из Греции и не знавшие России, определяли: «несправедную и безрассудную клятву» разрушить, поскольку она основана на «невежественных мудрствованиях». Подобное уничтожение русской религиозности не могло не отразиться на репутации священства – как яро следовавшего реформам, так и противящегося ему. Официальная церковность казалась несправедливой, негласно существующие секты трактовали основы веры каждая по-своему. Только властью Царя Церковь была спасена от разложения и распада.

Церковный Собор 1666–1667 определил главенство Государя и первенство его перед патриархом. Что соответствовало древней традиции отношений священства и Царства, идущей от Византии: Император, Царь является земным главой Церкви. Этим решением был положен конец церковной смуте и дан принцип, следование которому удерживало от новых смут. В то же время, утверждение древней традиции было проведено в такой форме, что она отвергла все те откровения, которые почитались незыблемым до никоновских реформ. Вышло так, что раскол был обоюдным, и последующие разъяснения, что все решения Собора были направлены не против двуперстия или других церковных обычаев, а против людей, которые использовали разночтения для раскола, никого не убедили. Раскол застрял в русской истории, породив последующие нестроения.

Цареубийцы

«Золотой век» на крови

Интеллектуальные смутьяны более поздних времен всячески пытались оправдать убийство царя Петра III и дворянские вольности екатерининских времен. Либеральный историк В. О. Ключевский писал о царе как о *«самом неприятном из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Это наследник, сын старшей елизаветинской сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский»*.

Коронационный портрет императора Петра III Фёдоровича (Л. К. Пфанцельт)

Да, Петр III был в родстве по женской линии с двумя династиями – он был внуком Петра I и внуком сестры шведского короля Карла XII. Но надо отметить, что юный правитель маленького герцогства готовился к шведскому престолу – учил латынь, шведскую грамматику и лютеранский катехизис. Почему же царица Елизавета решила превратить герцога 14-летнего Карла-Петра-Ульриха в Петра Федоровича и заставить его выучить русский язык и православный катехизис? Вероятно, он чем-то напоминал юного Петра – «походил на ребенка, вообразившего себя взрослым», «на серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа». Его увлечением были игрушечные солдатики и слава Фридриха II. Елизавета отнеслась к детским забавам с ненавистью, называя Петра «проклятый племянник».

Граф Никита Иванович Панин

Петр Федорович в России был окружен ненавистью – тетка и жена своими властными претензиями ограждали его от всего, что он мог бы понять и полюбить. Его держали почти под арестом, превращая в недоросля. Его попытки создать армию по прусским (лучшим на тот момент) образцам, вызвали ненависть у придворных смутьянов, которых особенно раздражала голштинская гвардия, которая должна была послужить образцом для остальной армии. Его стремление подражать быту прусских офицеров рассматривалось как следствие безумия. Что прощали Петру I, не прощали Петру III. Он не был ставленником ни одной из группировок, а принял престол по праву ближайшего родства. Поэтому курить и пить допьяна он мог только под ненавидящими взглядами русского дворянства, возомнившего себя опорой государственности и мораль оправдывающего крамолы против Государя. Остроумие Петра выдавалось как «вздор», искренность – как «болтовня», реформаторские планы – как «нескладицы». Ему ставилась в вину игра на скрипке, высмеивание неловкостей придворных дам и священников. Все это выливалось в вывод: «Он совсем не похож на государя». На самом деле не похожи были на подданных те, кто должен был защищать государство и Государя.

Смута назревала и в церковных кругах, где больше следили за поведением царя на богослужениях, чем за порядком в собственных делах. Враждебно встретило священство подчинение Коллегии экономии, управлявшей недвижимым имуществом Церкви, Сенату, а также предписание о передаче церковных земель крестьянам, которые ее обрабатывали. Был также издан указ о равенстве христианских вероисповеданий, «отобрание в казну» монастырских крестьян и другие реформы, которые расценивались как «сумасбродство». Церковные «верхи» настроились против царя и сочувствовали назревающему перевороту, а в решающий момент освятили измену именем Бога.

Григорий Орлов, один из руководителей переворота (Ф. Рокотов, 1762–1763 гг.)

Петр III вводил в армии строгую дисциплину и мучил распустившееся офицерство маршировками. Маршировать вместе с солдатами было тяжело, а некоторым это казалось злонамеренным унижением дворянской чести. И – подумать только! – он намеревался отправить гвардейцев на войну с Данией! Вот уж этого ему гвардейское офицерство никак не могло простить. При этом заключение мира с Пруссией рассматривалось как измена. При этом игнорировался тот факт, что Пруссия была естественным союзником России – протестантская держава посреди католических государств. «Немецкий вектор» не случайно образовался во внешней политике Петра Великого. Во все эти соображения, смутьяны, разумеется, не собирались вникать. Они искали возможности нанести удар по законному правителю и использовать узурпацию власти в личных целях.

Портрет княгини Е. Р. Дашковой (О. Хамфри, 1770-е гг.)

Мелочные претензии сложились в военный заговор Государя, состоявшийся 28 июня 1762 года. Кто был во главе заговора? Граф Никита Панин – дипломат, душой привязанный больше к Дании и Швеции, где долгое время служил, чем к России. Братья Григорий и Алексей Орловы – распущенные и циничные представители дворянской молодежи, известные разве что своими попойками и кулачными боями без правил. Григорий Орлов – будущий фаворит Екате-

рины II, от которого она в год переворота родила сына Алексея и которому тогда же пожаловала титул графа. Алексей Орлов – также впоследствии получил милости от императрицы и прославился победным командованием русским флотом в Чесменском морском сражении (1770). Разумеется, создание флота и русских флотских традиций – это не его заслуга. Участвовал в смутяньстве и юный Григорий Потемкин, также проложивший себе путь к флотскому командованию, губернаторству и фельдмаршальскому титулу через будуар императрицы. Наконец, граф Кирилл Разумовский – полковник Измайловского полка, расточавший свои богатства на попойки гвардейцев.

Душой заговора оказалась популярная у дворянства умелая интриганка и жена императора – императрица Екатерина. Императрица провоцировала супруга на публичные действия, ронявшие его достоинства. Когда она не поднялась во время провозглашения тоста за императорскую фамилию на торжественном приеме в честь русско-прусского договора и выпила свой бокал сидя, взбешенный император выкрикнул в ее адрес бранное слово и даже повелел арестовать ее. Но потом смягчился и отменил приказ.

В заговоре также активно участвовала столь же распушенная и циничная дама – 19-летняя княгиня Дашкова, вошедшая в историю только своей сомнительной популярностью у гвардейских офицеров.

Семейный портрет царственной четы, сделанный вскоре после вступления на трон Петра III. Рядом с родителями – юный наследник Павел в восточном костюме

Обстановка накануне переворота своей отвратительностью напоминает предфевральские месяцы 1916–1917 гг.: почти открыто говорят о скором свержении царя, клеветают открыто или наушничают, распространяя басни о «плохом государе». Последующие события также перекликаются с трагедией, постигшей Николая II и Россию в 1917–1918. Законный правитель был низвергнут, сфабриковано его отречение от престола, а затем император был зверски убит.

Назревший переворот был спровоцирован случайным арестом одного из участников заговора. Григорий Орлов в своей карете отвез Екатерину в Измайловский полк, который тут же присягнул императрице, совершив акт измены прежней присяге. Нашелся и священник, который освятил от имени Церкви этот кощунственный акт, а затем привел к присяге и Семёновский полк. Под охраной взбунтовавшихся гвардейцев Екатерина проследовала в Казанский собор, где ее провозгласили самодержавной императрицей. Затем в Зимнем Дворце Сенат и Синод присягнули узурпаторше.

Император, обнаруживший мятеж слишком поздно, попытался найти прибежище в Кронштадте, но из крепости предупредили, что будут стрелять. Предложение отбыть в Поме­ранию – в действующую армию – Петр III отверг, отказавшись от сопротивления перевороту. Примирительные предложения к Екатерине не возымели действия. Угрозами император был вынужден переписать заготовленный для него текст отречения от престола и, едва избежав гибели от рук нахлынувших в Петергоф гвардейских солдат, был заключен под стражу в удаленном поместье. Там он подвергся унижениям, а потом был убит Алексеем Орловым, который признался, что в пьяном угаре сам не помнил, что делал.

Цареубийство произошло 6 июня – в тот же день, когда Екатерина выпустила свой манифест с клеветой на низложенного императора, оправдывая переворот тем, что государству грозили гибель и мятеж. По просьбе Сената Екатерина отказалась присутствовать при погребении мужа, которого она отдала в руки убийц. «Золотой век» Екатерины был попыткой войной и роскошью заглушить память о цареубийстве. Отчасти это удалось в силу исторической случайности: расцвет государственного могущества, заложенный в прежние годы, пришелся на правление Екатерины. Примерно такая же случайная судьба прославила Сталина, который оказался на волне исторического процесса, происходившего помимо него.

Цареубийством дворянство, гвардия, дворцовые интриганы заложили подспудный процесс, который вернулся всему этому слою, приближенному к власти, через полтора века. Не изменив своих установок в отношении Внешней власти, эти круги были почти полностью истреблены.

Дворцовая расправа

Павел I царствовавший всего четыре года и четыре месяца оставил после себя множество исторических анекдотов, курьезных историй и загадок. Загадочной остается и его насильственная смерть от рук ближайших подданных.

Правление Павла представляет собой попытку утверждения такой формы правления, которая обещала устранение причин, порождавших войны, бунты и революции. Частная неприязнь группы привыкших к распущенности и пьянству екатерининских дворян ослабила эту линию, не дала ей вовремя развиться и утвердиться, чтобы на прочной основе изменять жизнь страны, обгоняя другие народы и государства. Цепь случайностей связывается в роковую закономерность: что не смог делать Павел, его последователи уже не смогли сделать вовремя.

Судьбу Павла предопределили его характер и унаследованные от Екатерины II общественные порядки и обычаи. С рождения он был отнят у матери, будущей императрицы, и воспитывался няньками. В восьмилетнем возрасте он потерял отца, Петра III убитого в результате государственного переворота. И был лишен престола своей собственной матерью, которая утвердилась на троне на долгие 34 года.

Существует гипотеза о том, что отцом Павла I был не Пётр III, а граф Сергей Салтыков. Двусмысленные указания на это исследователи находят в мемуарах Екатерины II. В то же время здесь же содержится прямое свидетельство, что зачать наследника не удавалось, пока Петр III не согласился на операцию. От ненависти к мужу императрица вполне могла выдумать его вину за бездетность. Портретное сходство Павла с Петром III считается бесспорным. Этим в значительной мере объясняется и неприязнь Екатерины к своему сыну, напоминавшему об убиенном с ее согласия муже.

Павел I Петрович, сын Екатерины (1777)

Будущий император воспитывался без родителей, в обстановке пренебрежения со стороны матери, как изгой, силой отодвинутый от власти. В этих условиях возникли разнонаправленные черты личности Павла Петровича – подозрительность и вспыльчивость сочетались с блестящими способностями к наукам и языкам, с врожденными представлениями о рыцарской чести и государственном порядке. Способность к самостоятельному мышлению, близкое наблюдение за жизнью двора, горькая роль изгоя – все это отвращало Павла от образа жизни и политики Екатерины II. Еще надеясь сыграть какую-то роль в государственных делах, Павел в

20-летнем возрасте подал матери проект военной доктрины оборонительного характера и концентрации усилий государства на внутренних проблемах. Она не была принята к сведению. В дальнейшем государственные идеи Павла лишь откладывались в его памяти. Военные уставы он вынужден был опробовать в Гатчинском имении, куда Екатерина отселила его с глаз долой. Там сформировалась убежденность Павла о пользе прусского порядка, с которым он имел возможность познакомиться при дворе Фридриха Великого – короля, полководца, литератора и музыканта. Гатчинские эксперименты в дальнейшем стали основой реформы, которая не прекратилась и после гибели Павла, создав армию новой эпохи – дисциплинированную и хорошо выученную.

Государственная стратегия Павла за время его краткого правления не успела обрести целостности. «Прусский вектор» обеспечил вмешательство России в европейские дела и отразился в Итальянском и Швейцарском походах союзных войск, воевавших против Франции под командованием Суворова. Но непоследовательность австрийских союзников заставила Павла вернуться к стратегии екатерининских времен. Павел совместно с Наполеоном стал готовить военный поход на Индию, а также завоевание Хивы и Бухары. Чем затрагивал интересы Великобритании, намеревавшейся не только овладеть всей Индией, но и добраться до Средней Азии. Выход к естественным границам Империи, который планировал Павел, произошел лишь более полувека спустя. Антибританский сценарий внешней политики был сломан, и в итоге Россия получила трагедию Аустерлица и тягчайшее испытание наполеоновского нашествия.

Долгие годы размышлений над необходимым исправлением государственных порядков привели Павла к уверенности в том, что он знает, что нужно России. Взойдя на престол, он стал торопливо наверстывать упущенное, пробуя реализовать все свои идеи в непрерывной череде указов, резко меняющих жизнь, прежде всего, высших сословий – приобщая их к государственному служению, которое при Екатерине стало необязательным. Многие офицеры даже не соизволили явиться на военную коллегию для подтверждения своей службы. За что были немедленно уволены. Офицерский состав гвардии практически полностью сменился. Чины и жалования, раздававшиеся не по заслугам, были строго регламентированы, как и поведение разных по званию офицеров, которым следовало прекратить соревнование в пышности обедов и выездов.

Критики Павла пытаются представить его жесткое принуждение к дисциплине – муштрой, а жесткие акции против расхлябанности – произволом, деспотизмом и даже следствием психической болезни императора. На самом деле, Павел шел путем Петра Великого, ломая прежде заведенный порядок, угрожавший существованию России. Он лично брал на себя ответственность, срывая эполеты и подписывая указы о ссылке в Сибирь – за казнокрадство и нерадивость.

Портрет Павла I в costume гроссмейстера Мальтийского ордена (Худ. В. Л. Боровиковский)

Множество начинаний Павла не дало результата. Манифест об ограничении барщины тремя днями в неделю невозможно было проконтролировать. Ящик для обращений подданных непосредственно к императору, который был размещен у ворот дворца в Петербурге, наполнился пасквилями и карикатурами. Для предотвращения обесценения рубля император сжег перед Зимним дворцом 5 миллионов рублей ассигнациями, значительную долю дворцовых серебряных сервизов повелел переплавить в монету. Правда, одновременно он не жалел средств для строительства Михайловского замка.

Важнейшим результатом правления Павла I стали отмена петровского указа, оставлявшего за правящим монархом произвол в назначении преемника, и утверждение порядка престолонаследия по мужской линии вплоть до ее исчерпания, после чего возможен был переход престола по женской линии. Тем самым утвердился однозначный и ясный порядок, донныне определяющий законного наследника российского престола.

В воспоминаниях современников и народной молве Павел выглядит то жестоким, то добронравным; то чванливым и глупым, то простым и мудрым. Многогранная и неординарная личность императора не укладывается в схему. Единственное, что надежно смогли утвердить фальсификаторы русской истории – противопоставление императора Павла и полководца Суворова. Конечно же, меж двумя яркими, а порой и просто эксцентричными, личностями не могло быть полного согласия и понимания, но опала Суворова за его стариковские шуточки над «пруссскими порядками» в армии продолжалась всего лишь год. Император искренне негодовал на распущенность и панибратство в армии, но оценил заслуги Суворова званием генералиссимус. Павел простил Суворову циничные оскорбления, которые Суворов отпускал по адресу Цесаревича, вместе с придворными Екатерины полагая, что Павлу никогда не править Россией.

Что касается жестокости павловских порядков, то во многом они преувеличены. Общеизвестная история с «поручиком Куже» из повести Тьнянова – лишь обработка исторического анекдота, не имеющего отношения к реальности. Множество подобных анекдотов распростра-

няли в те времена дворяне, которым Павел I не давал жить вольной жизнью, требуя, чтобы они служили Отечеству.

Жесткие реформы Павла (подчас сопровождаемые вспышками гнева, о которых император сам не раз сожалел), как он прекрасно понимал, вызывали злобное недовольство в дворянских кругах, привыкших жить на широкую ногу за счет Государства Российского. Поэтому Павел строил Михайловский замок как крепость – окружил его каналами и рвами с водой с единственным разводным мостом. Мятежа можно было ожидать в любой момент. И Павел сознательно шел на риск.

Сегодня фигура императора Павла I перестала восприниматься как карикатура, и даже модным считается называть его «русским Гамлетом», усматривая аналогию судьбы императора с шекспировским сюжетом. Но на самом деле в судьбе Павла есть множество параллелей с судьбой Николая II.

«Портрет Павла I» (С. Щукин) На поясе императора офицерский шарф «из серебряной нити с тремя узкими чёрно-оранжевыми полосами и чёрно-оранжевыми центрами кистей». Именно таким шарфом он был задушен

В обоих случаях ближайшее окружение изменило и предало. И Николай, и Павел знали, что заговор зреет. И оба не воспротивились ему. Оба императора были посмертно оболганы, и ложь о них продолжает жить до сих пор – в бессовестных суждениях, почерпнутых из бесстыдных учебников. Оба императора предчувствовали или даже точно знали о своей смерти. Павел за несколько часов до убийства говорил о смерти с Михаилом Кутузовым, в день убийства внезапно привел к присяге своих сыновей Александра и Константина, а домашним, прощаясь после общего обеда, сказал: «Чему быть, тому не миновать». Только этим можно объяснить устранение охраны императора – отсылка гвардии и личной охраны – конно-гвардейского караула. Павел как будто ждал заговорщиков.

Мария Федоровна (супруга Павла I) во вдовьем наряде

В обоих случаях к заговору причастны франкофилы и англофилы и стоящие за ними тайные организации, стремящиеся направить Россию по выгодному им пути. В обоих случаях – и в судьбе Павла I, и в судьбе Николая II – есть серьезные признаки того, что убийства носили характер жестокой ритуальной казни. Непосредственные убийцы остались невыясненными, они намеренно затерялись среди знатных заговорщиков.

Вряд ли мы когда-нибудь достоверно узнаем, что произошло в спальне императора, куда нагрянула дюжина вооруженных изменников. Одни мемуаристы пишут, что Павел вступил в длинные переговоры по поводу их требований; другие – что он отчаянно сопротивлялся, и даже видят в его руке шпагу; третьи смакуют, якобы достоверный эпизод, когда император попытался спрятаться за занавеской. Ясно одно: если бы заговорщики хотели просто убить Павла, для этого достаточно было бы pistolетного выстрела. А если бы они хотели его арестовать, то не стали бы избивать и душить. Также исключена вспышка слепой ярости: участники заговора не юноши с нестойкой психикой. Легенда о тяжелой золотой табакерке, которой кто-то из заговорщиков (называются разные имена), якобы, ударил императора в висок, может быть отнесена к разряду исторических анекдотов.

Юный Александр I Павлович в 1802 году

Об убийстве императора Павла I можно сказать определенно лишь то, что он был перед смертью зверски избит – так, что лейб-медикам размозженные кости лица невозможно было загримировать, и тело покойного (якобы, скончавшегося от апоплексического удара) было выставлено для прощания таким образом, чтобы лица почти не было видно за глубоко надвинутой шляпой. В воспоминаниях медиков, осматривавших тело, сохранились упоминания о следе удушения – широкой полосе вокруг шеи (мемуаристы единодушно говорят о шарфе как орудии убийства, но чей это был шарф, так и осталось неясным), травмы ног свидетельствовали, что императора били, чтобы поставить на колени и задушить. Также все тело было в подтеках, возникших уже после смерти, когда убийцы издевались над трупом.

Убийство Павла I было обусловлено не только стремлением освободить верхи дворянства от тягот службы, но и повязать причастностью к заговору и отцеубийству будущего молодого императора Александра I. Наследник, безусловно, не был столь прямодушен, как Павел, но он не мог желать смерти отцу, даже нелюбимому им. Можно с уверенностью сказать, что он не был посвящен в детали заговора и уж совершенно точно не предполагал убийства императора.

Александр Павлович мог противиться заговору еще в меньшей степени, чем сам император. Его «якобинское» воспитание не шло до черты отцеубийства, но вполне обеспечило оппозицию Александра многому из того, что делал Павел. Тем не менее, быстрая отмена многих внеш них проявлений порядков, учрежденных Павлом, не означала, что Россия получила от Александра возможность жить «как при бабушке». Его «теоретический» либерализм не был реализован в революционных изменениях, которые могли бы разрушить государство. Александр I прекрасно осознавал опасность «европейничанья». Либерализм был его частной жизнью, а державные интересы – долгом. Главари заговора очень быстро были устранены не только от каких-то надежд на власть, но от всех связанных с государством дел. Преемственность русской власти оказалась весомей легенды о золотой табакерке.

Покушение на Верховную власть

Император Александр II Царь-Освободитель, Царь-Реформатор через четверть века своего славного царствования был убит бомбой террориста.

Жизнь и судьба Государя Императора Александра II – яркое и поучительное свидетельство могучего творческого начала Верховной власти, с одной стороны. А с другой – поразительного легкомыслия, беспомощности перед, казалось бы, ничтожными персонажами, шаставшими по России в бесплодных поисках народной любви. Гордая и милостивая натура Царя не ведала тревожного интереса к этим зародышам гражданской войны, не беспокоилась невидимым до времени вирусом разложения. «Что они хотят от меня?» – недоумевал Государь среди домашних.

Воспитанный чувственным и романтичным поэтом Жуковским, старавшимся оградить Наследника от суровой повседневности николаевской эпохи, Александр II стал натурой многосложной, совмещающей в себе и решительность реформатора, и стойкость консерватора, и мягкость либерала. Жесткий консерватизм, воспитанный на государственной службе, к которой он был приобщен с самых молодых лет, совмещался с замыслами больших и давно назревших перемен, очевидность которых следовала из поражения России в Крымской войне и из расстроенных государственных финансов. Проведенные реформы – прежде всего, освобождение крестьян от крепостного права, судебная и земская реформы, нововведение в сфере образования, военного строительства, финансов – приближали Россию к европейским «стандартам». Но по тем же «стандартам» возбуждали в ней противогосударственные элементы, которым не терпелось превратить реформы в революцию, в полное разрушение России, ненавидимой ими, прежде всего лично – мощь Империи не предвещала успеха стране этим жалким бездарям.

Оценка этих реформ и следовавших за ними изменений существенно искажена идеологизацией, захватившей наш народ на многие десятилетия. Обличение «крепостничества» – одно из направлений беспрестанной агитационной работы, которая привела к тому, что оценка крепостного права кажется самоочевидной и уже не требующей никакого осмысления. Значительную роль в изобличении пороков крепостничества сыграла русская литература, которая подбиралась коммунистическими идеологами вполне определенным образом, чтобы продемонстрировать: большевицкий погром был вполне оправдан и подготовлен возмущением народа. Мол, «низы не могли жить по-старому».

Реальность различных форм зависимости человека от человека, приводящая к несвободе, носит совершенно иной характер, отличаясь от привычной нам точки зрения. Например, античный период истории всегда связывают с рабством и полагают, что его крах обусловлен именно этим: невозможностью сохранения подобных отношений. Между тем, рабство определяло статус несамостоятельных людей, которые не способны распоряжаться своей жизнью и ответственно относиться к своим обязанностям в отношениях с другими людьми. Это вовсе не означало, что раб был «вещью» и с ним можно было творить все, что угодно. Напротив, раба никто не отказывал в человеческом достоинстве. Например, в одном из диалогов Платона описывается ситуация, когда за убийство раба полноправный грек был связан хозяином этого раба, и брошен в канаву до прихода представителей власти, которые должны были расследовать преступление. Там убийца и скончался.

Отношения зависимости, которые, согласно марксистской историософии, называются «феодальными», также не были однозначно негативными. Они структурировали и стабилизировали общество, позволяя ему плодотворно развиваться. Невозможно совместить образ забитого и нищего русского крестьянина с образом чудо-богатыря – суворовского солдата, пришедшего на государеву службу из крестьян. Невозможно совместить рассказы об ужасах крепостничества с биографией Михайло Ломоносова.

Картины бедствия крестьян, описанные Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», – следствие помрачения рассудка, искажающего восприятие социальной действительности. О чем Пушкин написал: эти картины написаны пером, которое обмакнули в желчь. Им противостоят другие картины, на которых «следы довольства и труда». Страдальческие мытарства Некрасовских мужиков опровергаются его же более глубокими стихами. И вполне успешной жизнью Некрасова как писателя, карточного игрока и помещика.

Александр II (Фото между 1878 и 1881 гг.)

Представление истории как постоянно развивающейся идеи свободы, связано с европейской мыслью, где эта идея, в самом деле, начиная с эпохи Просвещения, представляется как ключевая и вневременная. Разумеется, идея свободы охватывает лишь небольшой период и небольшой регион. Она сыграла выдающуюся роль в крушении традиционных обществ и погрузила человечество в непрерывные войны и революции, потребовавшие положить на алтарь свободы столько жертв, сколько не было в эпохи самых страшных тираний.

Отмена крепостного права не стала продуктивным решением. Оно породило целое движение «шестидесятников» – образованцев, не верующих в Бога и ненавидящих Россию. Из нигилистов и бездушных рационалистов, описанных Тургеневым в «Отцах и детях», выросли террористы, чья ненависть к России сочеталась со страстью к абстракции свободы – выросшей в сознании этих людей бесовщины. «Бесы», описанные Достоевским – тип людей, едва коснувшихся образования и получивших вместе с ним яд западничества, составленный из иллюзий, фобий и развитых из того и другого формальной логики, доводящей до убежденности в своей правоте. «Право имею», как полагал герой Достоевского из «Преступления и наказания». До сей поры люди этого типа полагают, что имеют право клеветать на Россию и желать ее уничтожения.

Суть проблем, связанных с крепостной зависимостью, отразилась в бессмертной поэме Гоголя «Мертвые души». Страдание крестьянина наступало только там, где помещик лишался рассудка. Самые несчастные крестьяне – плюшкинские. А не блестящий человеколюбием Собакевич, напротив, гордился добротностью своих подопечных. Фантазерство Манилова убивало среди его крестьян чувство ответственности, и хозяйство приходило в упадок. Точно так же, как при Плюшкине юный Прошка становился вором, а при жулике Чичикове слуга Петрушка – пройдохой. Крестьяне, рассуждающие в начале романа о колесе чичиковской брички, – это совсем другой человеческий тип, это не забитая часть общества, а его опора.

Возникновение крепостного права в России связано с тяжелыми условиями жизни и русским менталитетом, склоняющим к странствиям и мечтаньям тех, кому государственная необходимость полагает необходимым трудиться в поте лица. Привязанность русского крестьянина к земле была необходима, поскольку только так можно было удержать и сохранить хозяйственный механизм, в котором постепенно складывались условия развития. Свобода, о которой грезят и сегодняшние нигилисты, разорвала бы Россию в клочья, русский народ без жесткого управления и сильной власти разбрелся бы и распался. Что, собственно, мы и видим теперь, когда самые умные ищет себе приложения сил вдали от родины, а брожение очень свободны (хотя бы в сравнении с крепостным периодом) людей доводит их до одичания, распада родовых связей – носителей народной памяти, основы народного самосознания.

Ощущение кризиса в крепостном праве преследовало властных и общественные круги России весь XIX век. Но реформы каждый раз откладывались по двум причинам: 1) начиная с декабристов, стало ясно, что предоставление более широких прав личности чревато революционным взрывом и распадом государства; 2) попытка обязать землевладельцев большей ответственностью за положение крестьян чревато государственным переворотом.

Фактически перед русским государством стояла проблема становления современного общества, в котором необходимо сложить общую гражданскую солидарность нации и сотрудничество между различными социальными слоями. С одной стороны, следовало привить крестьянству более самостоятельной образ жизни, без расчета на помощь государства и помещика. С другой стороны, нужно было превратить помещика из нахлебника и самодура в хозяйствующего предпринимателя. Ни того, ни другого отмена крепостного права не обеспечила. Потому что проводилась, исходя не из сложившегося положения дел и государственной необходимости, а из стремления следовать прогрессистским тенденциям, наблюдаемым в Европе.

Увлечшись реформами, Государь не заметил тех опасностей, которые грозили ему лично и стране в целом, не нашел средств для их искоренения. Гнилостные идеологические бактерии, порожденные французскими романами и сделавшие моду на нигилизм, распространились среди полуграмотных разночинцев.

Д. В. Каракозов, совершивший 4 апреля 1866 года одно из неудачных покушений на российского императора Александра II

Дворянская вольность после декабристов, сдавленная волей Николая I, больше не подавала признаков жизни. Но как только эта воля, прерванная внезапной смертью самодержца, перестала действовать, дворянское праздномыслие проникло в толщу читающей публики, мечтавшей приобщиться к аристократизму именно через вольнодумные идеи. Массонский дух

цареубийства, выдаваемый за тираноборство, стал распространенным как настроение никчемного сброда, шатавшегося по городам и весям Империи в поисках великой миссии для своих ничтожных сил. Это был буйный родственник того «призрака», что бродил тогда же по напитавшейся марксизмом Европе, намереваясь броситься в объятия к российскому нигилизму и с ним на пару «грязнуть на царей».

А. К. Соловьёв, совершил неудачное покушение на Александра II

Покушения на Царя первоначально были делом крохотной группы авантюристов, деятельность которой закончилась после выстрела Каракозова 4 апреля 1866 года. Но именно это преступление, посягнувшее на жизнь Помазанника Божия, стало отправным пунктом для существенных перемен в государственном управлении и сворачивания ряда реформ, с огромным трудом проводимых в течение десятилетия. Государь как будто понял преждевременность многих своих замыслов, увидев неспособность высшего общества выдвинуть действительно талантливых управленцев, бездеятельность и вялость чиновников, ущербность дворянства и крестьянства, озабоченных стремлением извлечь из реформ максимальную выгоду для себя, наглость журналистского сословия, возбуждавшего эти стяжательские настроения и склонявших народ к бунту, а «верхи» – к измене.

Столовая Зимнего дворца после покушения на императора Александра II. 1879 г.

Увы, попытка подавить разрастание нигилизма относительно мягкими мерами, не затрагивая смысла самих реформ, обернулась настоящим всплеском террористической деятельно-

сти и основанием террористических организаций, прямо нацеленных на цареубийство. Происходит целый ряд покушений и убийств представителей власти. Наиболее известным случаем из этого ряда стал в 1874 году выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова и оправдательный приговор по этому делу, встреченный бурным ликованием публики, уже считавшей, что террор – приемлемое средство для противодействия полицейскому произволу.

В апреле 1879 года бывший студент Александр Соловьев пытался в упор расстрелять Государя из револьвера, сделав пять выстрелов, но всякий раз промахиваясь. Следователям он заявил: *«Я окрещен в православную веру, но в действительности никакой веры не признаю. Еще будучи в гимназии, я отказался от веры в святых... Под влиянием размышлений по поводу многих прочитанных мною книг, чисто научного содержания и, между прочим, Бокля и Дрэпера, я отрекся даже и от верований в Бога, как в существо сверхъестественное».*

Осенью того же года террористы пытались минировать пути следования Государя из Крыма в Петербург. Затем последовала неудачная попытка взрыва императорского поезда в Александровке, через месяц Государя спасла путаница в маршрутах, в результате чего вместо царского поезда пострадал свитский. В 1880 году террористы взрывают Зимний дворец. Только после этого в стране вводятся чрезвычайные меры. Впрочем, достаточно мягкие, отмененные через полгода в связи с кажущимся успокоением. И в то же время эти меры оказываются неизбирательными и, как впоследствии отмечал Л. Тихомиров, тем самым служившими рекламе революции и превращению ее из дела отщепенцев в пугающую реальность.

Обращение Царя к обществу о содействии в деле спасения молодежи от пагубного увлечения революцией имело обратное действие. Земские конституционалисты расценили это как возможность в очередной раз заявить о необходимости свободы печати, неприкосновенности прав личности и широкого самоуправления. Противодействие террору ставилось в зависимость от предоставления России конституции. Следствием этой изменнической позиции было прекращение репрессий и появление «конституционного проекта» графа Лорис-Меликова. Конституционалисты получили своего агента на вершине власти и укрепились в вере в свою посредническую миссию между властью и народом. Спокойная и не требовавшая потрясений воля народа была подменена измышлениями либералов, подающих террор как проявление будто бы близкого народного бунта. Царю предписывалось «сблизиться с народом», уступая либералам. Только этим можно объяснить поразительную беспечность как полицейских чинов, так и Верховной власти.

Чуждебесие охватывало русский народ постепенно. Ошибки правительства оживляли прослойку конституционалистов-либералов, которые оправдывали террор отсутствием прав и свобод личности. Либерализм ломал и корежил русское общество столь же нещадно, как и сегодня. Из среднего образованного сословия либерализм выпестовал «бесов». И они, корчась бесовскими муками, переступали через грань – становились верующими в нечаевщину и готовыми на убийство.

С. Перовская и А. Желябов на суде

В. Фигнер, описавшая первоначальный замысел группы своих единомышленников, сообщила: *«Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика – Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Емельянов – с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело».* Этот поистине шизофренический план был прерван внезапным арестом Желябова – организатора взрыва в Александровке.

Желябов самоуверенно заявил, что террористы его арестом не остановлены и покушение на Царя будет непременно. В распоряжении у власти было двое суток. Но Лорис-Меликов лишь предупредил об этом Государя, не предприняв спешных мер безопасности и не желая возбуждать ложную тревогу. Набережная на Екатерининском канале, по которой с пунктуальной точностью должен был проследовать Государь, осталась пустынной. Давно выслеженный заговорщиками распорядок позволял им точно знать, когда они могут встретить Государя и забросать его бомбами.

Террористы привели в действие запасной план. Правда, у них уже не было прежней решимости. План, разработанный под руководством фанатичной С. Перовской, также едва не рассыпался. Из четверых бомбистов один просто сбежал, другой, увидев последствия взрыва, забыл про бомбу, зажатую под мышкой, и бросился помогать юнкерам укладывать в сани смертельно раненного царя. Бомбист, швырнувший адское устройство под карету царя, не стал геройствовать на допросах и легко сдал свою организацию полиции. И только студент Гриневицкий перед убийством со вкусом пообедал и сотворил дьявольскую затею с хладнокровием – покончив одновременно и со своей жизнью. Безмятежен перед казнью был и изготовитель бомбы Кибальчич, рисовавший в каземате проекты ракетных аппаратов.

Пятеро основных участников и организаторов убийства Царя были публично повешены. Но эта мера вместе с полицейским разгромом народовольческих организаций только приостановила рост революционного движения, возведя негодяев в пантеон героев революции. Убийство Александр II породило в кругах ненавистников России радостное возбуждение. «Мятежный князь» Кропоткин писал: *«Престиж "помазанника Божия" потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином, теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно попираť народные права».*

Террористы, замышляя цареубийство, метили вовсе не в конкретного самодержца, а в Россию. Именно поэтому в годовщину убийства Александра II они попытались убить царя Александра III. Их взяли с поличным прямо перед покушением. Среди организаторов покушения был брат будущего «вождя мирового пролетариата» Александр Ульянов, казненный вместе с другими заговорщиками. За него Ульянов-Ленин отомстил России новым цареубийством и массовыми казнями представителей всех сословий.

Предвидя такой разворот событий, на следующий день после убийства Александра II М. Н. Катков писал: *«По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти, начинается разложение, совершаются насилия, колеблются основы всякой нравственности, дух растления овладевает умами и вместо явного правительства появляются тайные, действующие тем сильнее, чем слабее действие государственной власти».*

Государь Павел I был убит дворянами. Государь Александр II взорван разночинцами-народовольцами. Государь Николай II был расстрелян шайкой простолюдинов-разбойников. От дворянского террора Россия пришла к террору повальному – к гражданской войне.

Праздные людишки, исполнив мечту о цареубийстве, начали резать друг друга и всех подряд. И это закономерное следствие упадка государственности и нравственного духа народа – начиная с его «верхов», в аристократии. Тайное убийство Павла I положило начало распаду народного представления о сакральности Верховной власти, о неприкосновенности Помазанника Божия. Блеск Империи XIX века – ее величественные победы и размах действительно плодотворного реформаторства, в котором власть всегда шла впереди общества, скрывали подспудно тлеющую болезнь русского духа. Цареубийство было горячечной мечтой ненавистников русского величия, плодящихся посреди самой России.

Трагическая гибель Александра II должна была стать предупреждением Династии, что дни ее могут продлиться только в условиях консервативно-охранительной обороны от тлетворного разложения и точных мер по искоренению революции. Но трагедия Династии состояла в том, что ее опора – дворянство, священство, чиновничество, верноподданный люд – все больше впадали в распушенность и невольно потакали террору. Даже после убийства Государя либералы из всех сословий продолжали толковать о бессмысленности реакции и силе Провидения, против которого Верховная власть столь опрометчиво вела борьбу. Только Манифест Александра III, заявивший незыблемость Самодержавной власти, остановил эту волну конституционалистского бреда. Последовательно проведенный принцип самодержавия раздавил террор и на годы замкнул рты либеральных говорунов.

Люди без царя в голове всю историю Российской Империи не имели существенного значения, но всегда стремились его приобрести – пока не добились своего, лишив Россию Верховной власти. Сегодня власть ничего не может противопоставить этому расплотившемуся племени. Без царя в голове живет и сама властная элита России, потеряв смысл служения, потеряв Веру, Царя и Отечество. Масштаб террора, заполонившего современную Россию, соответствует масштабу разложения власти и духа народа. Смерть наступает нас за смертные грехи, за отступничество от богоданной исторической миссии России.

«Кругом измена и трусость и обман», – напишет в своем дневнике Николай II. О том же, вероятно, мог подумать и умирающий от страшных ран Александр II. О том же должны думать и мы, понимая, что и теперь террор и измена добивают Россию. Никакие самые жестокие меры против бандитов и изменников не страшны, если мы боимся потерять Россию и сохраняем в себе надежду восстановить в ней порядок и Верховную власть.

Ритуальная казнь

Убийство Царя, его Семьи и самых близких слуг – это не просто уголовное преступление. Это деяние исторического масштаба и одновременно сатанинский ритуал.

Исторический масштаб события таков, что без правильного его понимания, вся история России будет извращена. Именно это и происходит сегодня. Гнусный навет на Государя, а значит, и на историческую Россию, продолжается. Значительная часть общества продолжает пользоваться суждениями, выработанными коммунистической пропагандой, и кощунственно солидаризироваться с убийцами. Большевистские мифы работают как закон смерти для нашей страны. Либо мы от них избавимся, и тогда миссия Государя станет ясной подавляющему большинству, либо они нас утащат в небытие.

Николай II с семьёй

Даже если забыть о том, что для России и ее народа Царь – Помазанник Божий, то преступление большевиков и стоящей за их плечами сатанинской секты чудовищно. Расправа над группой (взрослых и детей) без суда и следствия была не противозаконным актом власти (как пытаются представить), а преступлением со стороны бандитов, захвативших власть. Не случайно они столь тщательно заматали следы.

Нет сомнений, что крайняя степень изуверства была связана с сатанинским ритуалом. И здесь нам открывается неведомый многим пласт истории, в котором присутствуют силы с непонятными современному человеку установками. Между тем, именно эти силы организуют уничтожение России и русских, направляют многие легально действующие организации в нашей стране и за рубежом. Именно поэтому продолжается клевета на Государя, фальсификация истории и материалов проведенных расследований.

Дом Ипатьева, где была расстреляна царская семья

Следствие по делу об убийстве царской семьи, основывалось не на достоверных фактах, а на записке душегуба Юровского, командовавшего расстрелом в доме Ипатьева. Причем эта записка – явная фальшивка, подготовленная большевистскими идеологами вместе с другими «подтверждающими место захоронения» документами. Масса нестыковок в связи с этими документами не остановила председателя госкомиссии 90-х годов XX века Бориса Немцова (одного из самых известных либеральных «ультра» того периода), который административным решением свернул работу следствия. Вероятно по тем же причинам, по которым Керенский, а потом и Ленин отказались от суда над Николаем II. Керенский в своих воспоминаниях не может избавиться от ощущения собственной неадекватности: его ненависть к Государю стала ощущаться совершенно нелепой после кратковременной встречи с Николаем II. Изменник взглянул в глаза праведнику и не выдержал взгляда. Точно так предатели прячут глаза по сей день.

Фальсификация следствия готовилась многие годы. В цепи событий не только фальшивки чекистов, но и участие в деле известного деятеля эпохи перестройки А. Яковлева (еще в 1964), и разрушение дома Ипатьева Борисом Ельциным (в 1976), и попытки закрыть дело еще в 1993 со стороны одного из ведущих пропагандистов либеральных реформ, разрушающих Россию, – Анатолия Собчака.

В ходе следствия, начатого в 1991 году, было очень много странных совпадений и несуразиц. Версия о злонамеренной подтасовке материалов дела следствие не рассматривало. Пробы для экспертизы брались без свидетелей и без описи. Сама экспертиза проводилась почему-то за рубежом. Под заключением американских и британских экспертов стоит лишь одна подпись российского эксперта. Иностранные исследователи ограничились описанием методологии исследований в специальных статьях, предпочитая не делать никаких выводов. Генетическая экспертиза проводилась вне всякого контроля, образцы костной ткани, взятые для анализа останков, могли быть подменены в любой момент, в работу беспрепятственно могли включиться представители западных спецслужб и т. д. Выводы генетической экспертизы через несколько лет были поставлены под сомнение японскими исследователями, которые получили в своих опытах иные результаты.

Очевиднейшие факты ельцинской следственной комиссией просто не брались во внимание. Например, правительственные эксперты проигнорировали необходимость обнаружения на черепе, который приписывался Николаю II костной мозоли от удара самурайской саблей 29 апреля 1891 года, когда медиками в ране был обнаружен осколок кости 2,5×2 см. След от раны наблюдался врачами Государя вплоть до 1918 г.

Нелишне упомянуть, что дело о расстреле большевиками Михаила Романова было также фальсифицировано. После ритуальной казни в целях ее сокрытия чекисты долгое время вели

фиктивное дело о похищении Великого Князя из пермской гостиницы «Королевские номера». Чуть раньше чекисты Войков и Родзинский фабриковали письма к царской семье, пытаясь спровоцировать ее на побег из дома Ипатьева. В 20-х годах большевики инспирировали целую серию фальшивок – дневник фрейлины императрицы Вырубовой, дневник врача Бадмаева, наконец, явно отредактированные материалы следователя Соколова, умершего внезапно в 1924 году.

Не случайно гробы для захоронения «екатеринбургских останков» сделаны так, что открыть их невозможно. Ельцин и организаторы похорон хотели, чтобы вопрос был закрыт раз и навсегда, а тех, кто задумает провести повторную экспертизу, можно будет обвинить в кощунственном стремлении взломать гробы.

Не забудем того факта, что убийство царя готовилось многие годы. Для целого поколения революционеров цареубийство стало вожденной целью. Убийство царя было тождественно убийству исторической России. Сегодня в российском обществе (и в политике, и на высоких государственных постах) тоже немало людей, испытывающих ненависть или пренебрежение к русской истории и культуре и мечтающих лишь об одном – как бы растворить страну в «мировой цивилизации» или использовать ее ресурсы для личного обогащения.

Сторонники «демократической» версии гибели царской семьи говорят, что вопрос Православной Церкви о ритуальном характере убийства бессмысленен, ибо даже в известном «деле Бейлиса» не удалось доказать, что у иудеев такого рода убийства вообще практикуются. Между тем с библейских времен известно, что вблизи Иерусалима существовали капища, где приносились человеческие жертвы. Позднее, после уничтожения жертвенников, эта территория получила название «геенны огненной». Человеческие жертвы разного рода сатанинские секты приносят и по сей день, о чем постоянно сообщается в прессе. Что же касается «дела Бейлиса», то в нем ритуальный характер убийства был полностью доказан, присяжные согласились с доводами следствия. И лишь в отношении доказанности вины самого Бейлиса их голоса разделились поровну – под давлением фантастической по тем временам войны журналистов против следствия и суда.

Николай II и сын Алексей в ссылке, 1917 г.

Убийство Царя и его семьи произошло в обстановке, когда превратить его в ритуал не представляло особого труда. Само убийство не было случайным уголовным преступлением, а тщательно планировалось – вплоть до деталей операции по сокрытию следов. Помимо того что любое цареубийство в принципе имеет для его организаторов ритуальный характер, заметим,

что большевики упорно стремились извести всех Романовых – вплоть до малых детей. Это злодеяние, несомненно, сопровождалось не только соображениями политического характера (которые не могли быть существенными после февраля 1917), но и сатанинским удовлетворением от надругательства над Помазанником Божиим.

Версия о том, что в сейфе у Ленина стояла заспиртованная голова Николая II, не лишена оснований. В начале XX века спиртовать части человеческого тела в «просвещенных» кругах не считалось каким-то особенным. В Москву в качестве доказательств присылались, например, заспиртованные головы убитых главарей басмаческого движения. Вполне возможно, что из кремлевских подвалов голова царя перекочевала сначала в захоронение на Коптяковской дороге, а потом стала «образцом» для экспертизы.

Возможен и другой оборот дела. Якобы изъятые из захоронения, а потом возвращенные туда в 1979 году два черепа могли на самом деле изыматься из какого-то другого источника. (Кстати, тогда костная мозоль на одном из черепов была зафиксирована, а потом почему-то исчезла.) В этом случае можно говорить об использовании останков в ритуальных целях, а далее – в целях фальсификации следствия.

Подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где была расстреляна царская семья

Версия с сожжением части трупов убиенных членов царской семьи заставляет задуматься, не была ли попытка сожжения намеренным способом повести следствие по ложному пути, не было ли здесь имитации? Если трупы не удалось сжечь до конца, то где они? Не используются ли они по сию пору в качестве ритуальных предметов сатанинских культов?

Комиссия Ельцина-Немцова в 90-е годы работала аврально, фактически оборвав следствие в разгар работы. Торопливость с захоронением вполне понятна. Здесь сыграло свою роль не только и не столько желание Ельцина чем-то снова удивить обывателя. Организаторам похорон было прекрасно известно, что значительная часть православных верующих почитает Николая II как святого. Объявление останков неизвестного происхождения останками Николая II должно было вынудить верующих к почитанию их в качестве мощей. Между тем, если эти останки являются псевдо-мощами, то подмена равнозначна невольному соучастию в игре inferнальных сил. Все сопутствующие «екатеринбургским останкам» факты, вся подоплека состоявшегося события их захоронения говорят о намеренном изничтожении памяти об исторической России, намеренной агрессии против русской духовной традиции.

Мятежники против Империи

Декабристы

Русская история бывает загадочной. Мы уже никогда не заглянем в душу Императора Александр I, который, находясь на вершине славы победителя Наполеона и принудив Европу к заключению Священного союза, вдруг начал говорить с близкими о желании отказаться от престола. Уже в 1819 году он явно тяготился властью. Тогда же он призвал к себе брата Николая и объявил ему, что наследовать престол должен он, а не более старший брат Константин. Потому что последний испытывает «отвращение к престолу». Николай Павлович был смущен такими разговорами, поскольку никогда не готовился к миссии самодержца. И, вероятно, решил, что этот разговор – просто одно из чудачеств брата, чье здоровье все больше ослабевало.

Александр I Павлович

Но в следующем 1820 году Константин Павлович сделал шаг, который действительно поставил под сомнение возможность для него унаследовать трон после кончины Александра I. Константин официально расторг давно уже распавшийся брак с великой княгиней Александрой Федоровной и вступил в брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской. После чего был обнародован манифест Императора, гласивший, что член императорской фамилии, вступивший в брак с лицом, не принадлежащим к царственному или владетельному дому, фактически лишается прав члена императорской фамилии, и их дети не могут наследовать престол. Константин Павлович поселился в Варшаве и не раз говорил о том, что решился уступить свое первенство унаследовать престол брату Николаю. В 1822 он направил императору письмо с просьбой передать свое право на престол «тому, кому оно принадлежит после меня». Это письмо было явно написано по просьбе Императора, который продолжал говорить, что хочет стать «частным человеком».

Портрет святого Федора Кузьмича, написанный местным художником после его смерти

На следующий год Александр составил акт о престолонаследии, в котором утвердил лишение Константина права наследования престола на основании письма-отречения. Документ был запечатан в конверт с собственноручной надписью Императора: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого действия, в чрезвычайном собрании». Существование этого документа было скрыто строжайшей тайной.

Трудно сказать, почему Александр I решил не обнародовать этот документ и не изменил открыто Закон о престолонаследии 1797 года. Тем самым он создавал возможность очередного «междоусобия» и сомнения в том, что неопубликованный документ имеет полную законную силу.

19 ноября 1825 года Александр умер в Таганроге, так и не дав никаких распоряжений о тайных документах, определяющих порядок престолонаследия. Вполне вероятно, что легенда о Федоре Кузьмиче – сибирском монахе, под личиной которого скрывался бывший Император, основана не на вымысле, а на реальном факте: Александр Павлович осуществил свою мечту стать «частным человеком», устранившись от окончательного решения вопроса о власти, от которой он так устал.

Константин Павлович

Поскольку содержание тайных бумаг не было оглашено, к Константину Павловичу тут же начали обращаться как к новому Императору. Тот объявил, что несколько лет назад отрекся

от престола и снова подтвердил свое решение официальными письмами к матери-Императрице и к своему брату Николаю. Но поскольку известие о кончине Александра пришло только 25 ноября, многие высшие сановники и сам Николай Павлович уже присягнули на верность новому Императору. Напоминание об известном ему тайном акте Николай встретил возражением: этот акт официально не оглашен. Выходило, что он тоже не торопился царствовать, и давал Константину возможность принять решение окончательно. Фактически его присяга Константину означала его собственное отречение.

Есть также версия о заговоре генералов, существовавшим отдельно от декабристов. Санкт-петербургский генерал-губернатор граф Милорадович и близкие ему генералы гвардии попытались возвести на престол Константина и вынудили Николая присягнуть ему, скрывая волю почившего императора и нарушая его поправки в правила престолонаследия. Именно это и породило «междоусобицы» и преждевременную присягу гвардейских частей. Константин был ближе генералам как участник суворовских походов и войны с Наполеоном. План генералов рухнул только в результате упорного нежелания Константина царствовать, пренебрегая данным ранее словом.

Николай I Павлович

Этим-то моментом и воспользовались члены тайных обществ, получившие впоследствии название «декабристы». Пока Госсовет изучал тайные бумаги, присяга Константину продолжалась. Имея твердое нежелание Константина править и официальные бумаги на руках, высшие сановники государства должны были как-то объяснить уже принявшим присягу войскам, почему от нее надо отказаться. Попытки упрощить Константину приехать в Петербург успехом не увенчались. 12 декабря, когда приступили к подготовке Манифеста Николая о вступлении на престол, стало известно о существовании заговора. 13 декабря Манифест был готов, но Николай медлил с его оглашением до приезда брата Михаила, который метался между Варшавой и Москвой и должен был привезти последний ответ Константина. К вечеру он все-таки решился огласить Манифест в Государственном совете, утром 14 декабря текст должен был быть напечатан. Тогда же начальники гвардейских частей должны были прибыть в Зимний дворец для организации присяги гвардии. Им были даны соответствующие распоряжения. И поначалу все казалось спокойным: Конная гвардия присягнула. Но потом поступило известие, что при принятии присяги Гвардейской артиллерии офицеры высказали сомнение в справед-

ливости этой присяги. Некоторых из них пришлось арестовать. Наконец, было объявлено, что Московский полк восстал и движется к Сенату.

Узнав об этом, Николай Павлович решил «сам идти туда, где опасность угрожала». Во главе присягнувшей ему роты Финляндского полка Император двинулся к воротам дворца, где уже собирались толпы народа. Император решил выиграть время для сбора войск и начал неторопливо зачитывать Манифест. Узнав, что прибывший батальон Преображенского полка находится в полной готовности, он пошел к верным солдатам через толпу, а потом лично повел батальон на Сенатскую.

В этот момент раздались выстрелы. Убеждавший солдат пасть в ноги новому Императору граф Милорадович был в этот момент смертельно ранен Каховским, подошедшим к нему вплотную с левой стороны и выстрелившим в упор из пистолета в бок прославленному полководцу. Если бы не предательский выстрел, Милорадович мог вовсе сорвать замыслы заговорщиков.

Нанесение смертельной раны М. А. Милорадовичу 14 декабря 1825 года. Гравюра с рисунка, принадлежащего Г. А. Милорадовичу

В тот же самый момент мог быть убит и Император. К нему подошел заговорщик Якубович, притворно выразив верноподданность. Возможно, он не выстрелил, испугавшись за свою жизнь. Позднее вблизи Императора оказался полковник Булатов с двумя заряженными пистолетами под одеждой. Он знал, в кого будет стрелять, но тоже не решился совершить царевубийство.

Тем временем, Московский полк, стоявший на Сенатской, стрелял по другим сановникам, пытавшимся уговаривать прекратить мятеж. Когда Император выехал на площадь, раздались выстрелы в его сторону. Это был второй момент, когда он мог погибнуть.

Организовав построение верных войск, Император отправился к Зимнему дворцу, чтобы обеспечить его защиту. И встретил на своем пути беспорядочно идущую массу солдат лейб-гренадерского полка. Не зная, что это сторонники мятежников, Император скомандовал им «Стой!» и попытался выстроить, но те ответили «Мы – за Константина!» и двинулись на Сенатскую. Здесь Император рисковал лишиться жизни в третий раз. Его спасло нежелание солдат с обеих сторон проливать кровь.

Позднее выяснилось, что ничтожный промежуток времени, в течение которого лейб-гвардии саперный батальон занял свои позиции, спас царскую семью (включая будущего Императора Александра II). С ними попыталась расправиться толпа лейб-гренадер во главе с поручиком Пановым. Натолкнувшись на саперов, они вернулись на Сенатскую. Хотя при серьезном численном перевесе вполне могли бы занять дворец.

Николай Павлович продолжал руководить построением подходящих войск – Измайловского и Семеновского полков. Но и к мятежникам подтянулся Гвардейский экипаж в полном составе. Их пытался уговорить митрополит Серафим, и солдаты начали подходить ко кресту, но главари мятежников стали стрелять над головами. К мятежникам поехал и прибывший в Петербург великий князь Михаил Павлович. Матросы начали его слушать, но объявили, что не могут отказаться от присяги иначе как по личному слову Константина Павловича. Когда Кюхельбеккер направил пистолет на великого князя, матросы выбили оружие из его рук и стали бить его прикладами.

Позднее Михаил Павлович вступился за Кюхельбеккера, добившись замены смертной казни 20 годами каторги. Через год приговор был смягчен до 15 лет. Но и этот приговор так и не был приведен в исполнение. Еще через год Император отправил мятежника не в Сибирь, а в арестантские роты при Дианбургской крепости. В 1835 году Кюхельбеккер был переведен на поселение.

Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади (В. Тимм, 1853 г.)

Тем временем короткий зимний день шел к концу. Ружейная перестрелка на Сенатской была больше имитационной: солдаты старались стрелять вверх головами. Но раненных все равно было много. Среди них мог оказаться и Император, который в четвертый раз испытал судьбу, вновь выехав на Сенатскую посмотреть на обстановку и получив в свою сторону ружейный залп. Последовавшая атака Конной гвардии против мятежников была безрезультатна из-за гололедицы и тесноты: площадь была отделена заборами строящегося Исаакиевского собора. Раненных становилось все больше, и Император решил, что для подавления мятежа придется применить артиллерию. Стоявшие на Сенатской мятежные части были предупреждены о необходимости сложить оружие. Но ответили на предложение сдаться залпом. На удар артиллерии вверх головами они ответили криком и беглым огнем. Наконец, четыре орудия выстрелили в середину толпы, и все было кончено. Мятежники начали разбегаться, а правительственные войска их ловить. Пытавшихся построить новый порядок на льду Невы рассеяли двумя выстрелами картечью. Мятеж был подавлен.

Военная сторона в подавлении мятежа играет второстепенную роль. Дело в том, что мятежники почти не рассчитывали на силу оружия. Московский полк имел по 5–10 боевых

зарядов на каждого, а Гвардейский экипаж прибыл на Сенатскую вовсе без зарядов и без имевшихся 4 пушек. Со стороны мятежников не было попытки захватить артиллерию, которая стояла очень близко и почти без прикрытия. Воевать никто не собирался. И стреляли в основном для острастки. Прицельно стреляли, вероятно, только главари заговора. Часть лейб-гренадер перешла на сторону правительственных войск. Если бы не выстрел Каховского, мятеж и вовсе мог не состояться. Его основой была исключительно присяга на верность Константину. Если бы не пропаганда «за Константина», солдаты не вышли бы на площадь и смогли вникнуть в ситуацию с престолонаследием.

Данные о погибших в мятеже разнятся, но по данным тогдашнего Министерства статистики «убито народа»: генералов – 1, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров разных полков – 17, нижних чинов лейб-гвардии Московского полка – 93, Гренадерского – 69, Гвардейского экипажа – 103, Конного полка – 17, «во фраках и шинелях» – 39, женского пола – 9, малолетних – 19, «черни» – 903. Всего убитых – 1271 человек. Мы видим, что верные Николаю части почти не понесли потерь, и основной ущерб был нанесен мятежникам – огнем артиллерии. Значительная часть черни среди погибших говорит о том, что зеваки могли составить существенную силу в случае развития планов заговорщиков. Толпа помогала мятежникам отбивать конно-гвардейские атаки – метала в кавалерию камни и поленья из запасов у Исаакиевского собора.

Заговорщики в целом неправильно оценили ситуацию. Они числили многих офицеров членам своего общества, но не понимали, что убивать и идти на смерть хотят только единицы. Прикрытие артиллерии правительства было в руках члена тайного общества И. А. Анненкова, дворец охраняла рота Финляндского полка под начальством члена тайного общества А. Ф. Моллера. Множество членов тайного общества было в Измайловском полку. Все эти люди вовсе не хотели кровопролития или не желали рисковать, пока чаша весов не склонилась определенно в одну сторону. Кроме того, на стороне мятежников не было ни крупных государственных деятелей, ни старших офицеров или генералов. Весь этот мятеж – мальчишеская выходка, в которой играющие в политику юнцы обманули простодушных солдат, прямо обманывая их: мол, скрывают завещание Александра I о свободе для крестьян и сокращении солдатской службы до 15 лет. Для чего они вообще собрались на Сенатской площади, если присяга сената Николаю уже состоялась ранним утром и сенаторы разъехались? От кого было требовать подписания Манифеста?

Подавить уже раскрытый заговор на Юге оказалось нетрудно. Пестель и большинство его сподвижников были арестованы. 29 декабря 1825 С. И. Муравьев-Апостол подбил Черниговский пехотный полк к выступлению. 3 января полк был разгромлен, Муравьев-Апостол тяжело ранен и арестован.

* * *

Причиной заговора было увлечение русского дворянства западными республиканскими идеями, которые ложились на благодатную почву воспоминаний о екатерининских «свободах». Приверженность французской культуре и французским политическим идеям выражалась в почти мистическом восприятии фигуры Наполеона, а после победы в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813, это увлечение продолжилось в попытках копировать масонские ложи, которые возникали и распадались во множестве, оставаясь преимущественно кружками, где общалась дворянская молодежь, упиваясь обстановкой тайны. Из этих кружков вырастали тайные общества, прямо ставившие задачу уничтожения императорской фамилии, введения республиканского или конституционного правления и отмену крепостного права. Но в большинстве своем радикальные идеи были игрой, всерьез их воспринимала очень малая часть дворян. Более того, крупнейшая из организаций – «Союз благоденствия» (калька с прусского «Союза добродетели») – оказалась раскрытой в 1821 году и была торопливо распущена

организаторами. На основе радикального ядра этой организации возникло Южное общество с центром в Тульчине. Ее фактически руководителем стал полковник Павел Пестель, составивший программу «Русская правда». Ее содержание – причудливая смесь из положений, почерпнутых из опыта Французской революции и русских вечевых традиций.

Портрет Павла Пестеля работы его матери Елизаветы Ивановны Пестель (2 мая 1813 год)

В 1822 г. в Петербурге оформилось Северное общество, председателем которого стал капитан Генерального штаба Н. Муравьев, придумавший для общества программу – Конституцию. Но некоторым членам общества ближе была более радикальная программа Пестеля. Эти противоречия затруднили объединение, и выступление, спровоцированное смертью Александра I, произошло раздельно.

Несколько дней на подготовку не принесли порядка в действия заговорщиков. Они решили, что смогут угрозами заставить Сенат подписать «Манифест к русскому народу», который вводил бы ограничения власти Императора, отменял крепостное право и созывал Учредительное собрание (Великий Собор) для разработки и принятия Конституции. Трубецкой поручил написать Манифест Рылееву, а тот – барону Штейнгелю. Так и отправились бунтовать без Манифеста, лишь на словах согласовав его содержание.

В диктаторы прочили князя Трубецкого, который согласился на эту роль, но в решительный момент струсил – не присоединился к мятежникам. Наблюдая со стороны, он решил, что мятежных войск слишком мало.

«Портрет Никиты Михайловича Муравьева» (П. Ф. Соколов, 1824 г.)

Вопреки сложившемуся мнению, укрепленному в дальнейшем советскими учебниками, с заговорщиками и мятежниками поступили очень мягко. К следствию привлекли 579 офицеров и 2,5 тыс. солдат. Пятерых зачинщиков повесили 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости. Более 120 офицеров сослали в Сибирь, остальных разжалованы в рядовые и отправили на Кавказ. Солдаты по приговору были сформированы в сводный гвардейский батальон и направлены на Кавказ на бессрочную службу.

В тюрьме декабристов прилично кормили: из расчета 5 рублей в сутки генерала, 3 рубля в сутки полковникам, прочим – по 2 рубля. Якушкин жаловался жидковатым щам с говядиной, возмущался постными щами, поскольку поститься по церковным правилам не собирался. К тому же еще каждому предоставляли сорт табака, какой он привык курить.

В ссылке декабристы не испытывали каких-то чудовищных мук. Они становились частью сибирской элиты, были приняты в обществе и даже отчасти популярны. Якушкин, приговоренный к 20-летней каторге, в 1835 году был переведен на поселение в Тобольской губернии. Кюхельбеккер, отсидев в крепостях, на каторге никогда не был и в 1839 был переведен на поселение в Сибирь. Барон Розен личной волей Императора без каторги был из тюрьмы отправлен на поселение в Читу, затем в Курган, затем около года был рядовым на Кавказе, ушел в отставку и умер в глубокой старости в Лейпциге. Трубецкой, приговоренный к вечной каторге, проработал под землей 11 месяцев, затем после ряда тюремных пересылок был переведен на поселение, где он жил в большом собственном доме.

Царь в ряде случаев помогал семьям декабристов: жене Рыльева послал денежное вспомоществование в 2000 рублей, бедствовавшему брату Пестеля назначил пожизненное жалование в 3000 рублей в год и службу в Кавалергардском полку. Дети декабристов получили возможность за казенный счет получать образование в лучших учебных заведениях.

В 1840 все декабристы были уже ссыльно-поселенцами, а не каторжанами. В 1856 г. Александр II отменил ссылку для четырех десятков декабристов, и они смогли вернуться в столицу.

* * *

Декабристов большевицкая историография выставляет как романтических рыцарей без страха и упрека. На самом деле это были люди очень непоследовательные и трусливые. Многие из них уже во время начавшегося мятежа отказались выполнять свои обязанности. Трубецкой не явился на площадь, Якубович отказался атаковать Зимний дворец, Каховский отказался

стать цареубийцей. Потом все эти люди с большим вкусом писали о своих планах и спорах, когда давали показания следствию.

О намерении Рылеева организовать цареубийство и истребить (или выслать за границу) дали показания Муравьев-Апостол, А. Бестужев, Каховский, Торсон. В ответ сам Рылеев рассказал следствию о таких же намерениях Якубовича (которого с трудом удалось отговорить от немедленных действий), Муравьева-Апостола (планы убить Александра I в 1823 году в Бобруйске и в 1824 году в Петербурге), С. Муравьева (Рылеев передает слова Трубецкого о том, что Муравьевым на юге России ради цареубийства создано целое общество) и т. д.

Трубецкой на следствии рассказал о последнем совещании заговорщиков утром 14 декабря, где он решил оставить их, но не решил сказать об этом: «Я не имел довольно твердости, чтобы просто сказать им, что я от них отказываюсь». Рылеев, не обнаружив на площади Трубецкого, ретировался под предлогом, что безначалие неприемлемо, и Трубецкого надо непременно найти.

Когда стало ясно, что у мятежников нет лидера, предложили начальствовать Н. Бестужеву, но он отказался. Что означало продолжение самоубийственного «безначалия». Место диктатора занял Оболенский, но так и не смог отдать ни одного приказа – время уже было упущено. Когда на мятежников уже были направлены подготовленные стрельбе пушки, обманывая себя, заговорщики решили, что надо дождаться темноты, и в темноте, мол, другие полки к ним присоединятся. Мы видим полное отсутствие инициативы, плана действий, какую-то поразительную инфантильность всей этой группы, вошедшей в историю совсем не теми, кем они были на самом деле.

Перед мятежом Трубецкой был убежден, что достаточно одного полка. А Рылеев полагал, что удастся поднять на мятеж три полка, а уж два – наверное.

А. Бестужев, поднимая на мятеж Московский полк, просто обманывал солдат. По их показаниям, он говорил: «Я адъютант Константина Павловича, прислан от него вас предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней, не больше, как присягали вы государю Константину Павловичу, целовали крест. Вы не должны присягать другому государю тогда, как государь ваш жив. Вас обманывают, и сие знают ваши офицеры и ротный ваш командир. Бойтесь. Ребята, Бога; вот сабля Константина Павловича; стойте за него крепко». Им врали, что великий князь Михаил Павлович арестован в Варшаве. И его неожиданное появление в полку спасло от участия в мятеже до 900 человек.

Гвардейскому экипажу заговорщики рассказали, что их ждет сокращение службы до 12 лет. И тут некому было опровергнуть ложь. Своего командира солдаты не послушали.

Декабристы никогда не интересовались судьбой солдат, погибших по их вине или отправленных служить на Кавказ. Ни тени беспокойства на этот счет в их многочисленных записках нет. Как нет и никакой благодарности Императору, который смягчил приговор суда и многих из декабристов спас от смерти, а потом освободил и от каторги. Надо сказать, что Государь воспрепятствовал и выяснению лиц, многократно стрелявшим в него во время мятежа. А установить их было достаточно просто: сам царь и его свита многих знали в лицо, да и участники мятежа легко давали показания друг на друга.

Политические требования «декабристов» были игрой и самообманом. Требуя отмены крепостничества, они не воспользовались александровским указом «О вольных хлебопашцев» (1803), и своих крепостных освобождать не торопились. Якушкин готов был освобождать их, но без земли (указ предполагал освобождение с землей), Тургенев предпочел экспериментировать в своем имении с «мужицкой конституцией».

Неумной игрой были и законодательные затеи. В муравьевской «Конституции» вводился ценз для поста законодателя – он должен был платить не менее 60 рублей подати. Но такую подать на тот момент платили только купцы, а дворянство и духовенство вообще их не платили.

Масонство декабристов не вызывает сомнений. Но это увлечение было общей игрой дворянской молодежи, которая этим бравировала – как и французским языком и чуждыми для русских манерами. Роль декабристов в масонстве была ничтожной, высоких степеней они не имели. Нелепо представлять русскую историю как следствие козней масонов. С одной стороны – представлять, что все лучшее в русской культуре, политике, военном деле, принадлежит масонам (либеральная подмена), а с другой, – что все заговоры, все государственные нестроения ими замышлены и исполнены (псевдопатриотическая подмена). Важны не способы объединения, а идеи. На протяжении более века идея царубийства и устройства жизни России по западным образцам была одной из постоянно обсуждаемых в нижних слоях аристократии, а потом и в народившейся интеллигенции. Само же восстание декабристов произошло помимо воли тайных сил, которые пустили корни в русском обществе и русской власти.

Влиятельный масон, автор конституционных проектов для России М. М. Сперанский был членом Верховного суда над декабристами. При этом именно он выдвигал на первое место в заговоре Пестеля, который в мятеже участия не принимал. Сперанский потребовал для него и еще четверых сообщников четвертования. Под влиянием масонов смертная казнь отсечением головы предполагалась для еще 31 преступника. Император утвердил более мягкий приговор. И оставил смертную казнь для пяти заговорщиков, причем заявил: «Офицеров не вешают, а расстреливают. Не хочу поступать с ними как с ворами». Но масон Бенкендорф настоял на казни через повешение.

Отчего же масоны столь жестоко судили масонов? Они судили проигравших, прекрасно понимая, что правление Николая Павловича не даст им свободы действий, что их либеральные замыслы будут подавлены, а власть будет национальной.

За словесными излияниями масонствующей дворянской молодежи всегда было очень мало действительно продуманного и практичного. Декабристам, этим инфантилам в эполемах претили практицизм и логика. Поэтому они не желали ничего планировать, а многие с ненавистью относились к Пестелю – как к возможному «палачу свободы» и даже зачинателю новой династии. Между тем, Пестель – единственный из заговорщиков, имеющий серьезные заслуги перед Россией – участие во множестве сражений 1812–1814 гг., ранение при Бородино и наградная золотая шпага. При всех своих способностях, правда, Пестель писал свою «Русскую правду» десять лет, закончив лишь две из десяти глав, остальные же попали в руки следствия неоконченными или в набросках. В диктаторы он годился, а в идеологи – нет.

Известно насмешливое отношение Грибоедова ко всем этим юношам-заговорщикам, которых он назвал «сто прапорщиков».

Пушкинская дружба с декабристами – один из аргументов мифологии вокруг их фигур. Его стихотворное письмо в Сибирь обычно интерпретируют как прозрение об успехе нового восстания. Но в реальности «темницы рухнут» и «братья меч вам отдадут» – это скорее романтический образ, который только и мог поддержать бывших друзей поэта. Сам он явно ни в какие мятежи и заговоры не верил и мог мечтать только о том, чтобы декабристы вернулись на службу Отечеству.

Легендарные образы декабристов – плод пропаганды большевиков, которые лепили своих предтеч: «декабристы разбудили Герцена» и так далее.

Польский мятеж

После наполеоновских войн Польша оказалась разоренной в политическом и хозяйственном отношении и не имела сил для государственного суверенитета. Решением Венского конгресса 1815 г. центральная Польша вошла в состав Российской Империи, другие польские территории достались Австрии и Пруссии.

В Российской Империи власть сочувственно относилась к положению поляков. Александр I в предоставил Польше возможность иметь парламент, собственную армию, собственную администрацию и польскую денежную систему, которая была ближе к европейской, чем к русской. Царство Польское получило, таким образом, широкую автономию. При этом на территории Польши не вводились законы Российской Империи, а шляхте были предоставлены права русского дворянства. Русское присутствие не намечалось ни в гражданской службе, ни в судебной системе. Незыблемо сохранилось доминирование католицизма не только в духовной жизни Польши, но и в образовании. Только к концу царствования Александра I русский язык и русская история стали преподаваться в школах на русском языке.

Польское общество, польская знать не желали подчиненного положения в Империи и грезили о собственной империи, которую пресекла русская державность и остановил русский народ. Следуя французским влияниям, польские образованные слои составляли тайные общества, исповедующие идею Великой Польши «от моря и до моря».

После восстания декабристов новый император Николай Павлович всячески стремился к тому, чтобы лояльность поляков была обеспечена без вмешательства в их автономные дела. В знак уважения к Польше он в 1829 году короновался на польский престол в Варшаве. Но этот знак уважения был расценен, напротив, как посягательство на польскую гордость.

Николай I объявляет своей гвардии о восстании в Польше (1830 г.)

Польский мятеж был поднят в условиях, когда Россия добилась впечатляющих успехов во внешней политике. В 1828 году был подписан русско-иранский договор, к России переходили Эриванское и Нахичеванское ханства, граница устанавливалась по реке Араке, Каспийское море открывалось для торгового судоходства, подтверждалось исключительное право России держать на Каспийском море военный флот. В 1829 году в Адрианополе был подписан договор с Турцией. К России отходили устье Дуная с островами, восточное побережье Черного моря с Анапой, Поты, а также районы Ахалцыха и Ахалкалаки. Турция признавала владения России в Закавказье. Подтверждалось право подданных России на торговлю по всей территории

Османской империи и их неподсудность турецким властям. Босфор и Дарданеллы становились свободным для судоходства.

Переворот во Франции в июле 1830 – свержение Карла X и утверждение на троне Луи-Филиппа возбудило революционное движение по всей Европе – разразились бунты и волнения в германских государствах, Италии и Бельгии. При этом «концерт европейских держав» был нестойким: каждая держава предпочитала решать свои проблемы или занимала выжидательную позицию. В этих условиях Николай I сформулировал принцип своей внешней политики: *«Пока революция ограничивается пределами Франции – моя оппозиция происходящему там перевороту будет только моральной»*. Организация сил России, Пруссии и Австрии в защиту прав легитимного нидерландского короля была сорвана польскими событиями.

Польский мятеж вспыхнул в ноябре 1830 года в Варшаве. Поводом к выступлению стали слухи, что польская шляхта и польские войска будут направлены на подавление французской революции. Большая часть польских войск примкнула к мятежникам. Захваченное из арсенала русских войск оружие было роздано населению. Вооруженная толпа ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить российского цесаревича Константина Павловича. Началась охота на солдат и офицеров достаточно немногочисленного русского воинского контингента. Поляки напали на казармы русских войск, но были отбиты. Великий князь Константин Павлович едва успел уехать из Варшавы. С ним ушли русские войска.

Польский сейм объявил династию Романовых, Николая I лишенным польского престола, а власть передал правительству из пяти человек во главе с князем Адамом Чарторыйским. Было объявлено, что восстание будет прекращено, только когда Царству Польскому будет предоставлена независимость и земли в границах Речи Посполитой 1772 года – вместе с Литвой, Белоруссией, Малороссией. Депутация сейма попыталась представить свои требования в Петербурге, но Николай I не пожелал общаться с мятежниками, пока они не сложат оружие.

Адам Ежи Чарторыйский

В январе 1831 в Польшу вошли войска под командованием И. И. Дибича. Сложность для русской армии представляла завезенная из Индии холера, а вовсе не удачи поляков. От холеры скончались главнокомандующий Дибич и цесаревич Константин Павлович. Что касается польской армии, то она была наголову разбита под Гроховом и Остроленкой. В сентябре Варшава была взята приступом.

Польский сейм объявляет Николая I лишенным польского престола (1831 г.)

Через девять месяцев боев, осложненных эпидемией холеры, восстание было подавлено. Согласно подписанной генералом Круковецким условиям капитуляции, польские войска должны были принести присягу на верность российскому императору и покинуть Варшаву. Верховный уголовный суд Империи приговорил 258 главных участников к смертной казни, которую Государь великодушно заменил на изгнание за границу или ссылку в Сибирь. Сотнями были вынесены приговоры с осуждением на каторгу, многие участники восстания записаны в солдаты, тысячи семейств участников мятежа сосланы в глубинные губернии России, а их имения конфискованы.

Иван Иванович Дибич (1785–1831) (Худ. Д. Доу)

В 1832 году Российская Империя провела ряд мероприятий, изменивших статус Царства Польского, которые могли гарантировать ему спокойное развитие и пресекали возможные очаги крамолы. В феврале 1832 года конституция Польши была упразднена, сейм и армия распущены, генерал-губернатором Польши был назначен командующий польскими войсками генерал И. Ф. Паскевич. Управлять Польшей должен был административный совет из лиц, назначаемых правительством Империи, а при Государе учреждался статс-секретарь по делам Царства Польского.

Управление Польшей предполагалось осуществлять по законам Российской Империи и на основании «Органического статута». При этом сохранялись права польского местного самоуправления, польский язык при судопроизводстве и в местных органах власти. Городские власти избирались общегородскими собраниями, собрания дворянства, городских и сельских

обществ избирали членов совета воеводств, которые в свою очередь избирали судей двух первых инстанций, а также предлагали кандидатов для замещения административных должностей.

«Органический статут», утвержденный Манифестом Николая I, в полной мере не вступил в силу, поскольку революционное брожение в Польше не прекратилось. В 1834 г. царским правительством вводится военное положение.

Польский вопрос всегда был поводом для приложения сил всех, кто чаял крушения самодержавия и подрыва мощи Российской Империи. Первым политическим союзом, который рассматривал независимость Польши в качестве одного из ключевых пунктов своей программы, были декабристы. Декабристы М. Бестужев и С. Муравьев вели переговоры с польскими тайными обществами о союзнничестве и готовы были добиваться отделения Польши от Российской Империи. «По правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование», – писал П. Пестель в «Русской правде», выражая позицию, принятую на съезде Южного общества декабристов. Каторжные декабристы встречали ссыльных поляков как товарищей по оружию.

Особенно взволнованно встретила месть о польском мятеже праздная публика обеих российских столиц. Герцен писал в своих воспоминаниях: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили успехам поляков». «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам».

В тексте чернового наброска письма Бенкендорфу (1831) Пушкин указывает: «Озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой. – Конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны». Сам Бенкендорф признавал: «Дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения. В Москве обнаружались даже и преступные замыслы... Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольтства пустил бы в отечестве нашем сильные отрасли».

В пораженной духом либерализма Европе мятежники встречали поддержку вопреки воле собственных правительств. При том, что французский парламент не поддержал сторонников польского мятежа, они пользовались в растревоженном обществе значительным влиянием. Был образован Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, распространивший филиалы во многих горда. Главой комитета был влиятельный оппозиционер генерал Лафайет; в Комитет входили видные деятели французской культуры, включая популярного в России писателя В. Гюго. В марте 1831 демонстранты в поддержку мятежников побили стекла в русском посольстве в Париже, а в сентябре того же года произошли баррикадные бои с применением оружия. Оппозиционеры требовали войны против Священного Союза, войны против России.

Маркс и Энгельс писали о 1830 годе: «Клич «Да здравствует Польша!», который раздавался тогда по всей Западной Европе, был не только выражением симпатии и восхищения патриотическими бойцами, которых сломали с помощью грубой силы, – этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали поход контрреволюции... Клич «Да здравствует Польша!» означал сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!»

Энгельс особо выделял в польском мятеже Лелевеля: «В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предостав-

лении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу». К подобным же персонам взывали Маркс и Энгельс в 1848 году, требуя от Европы «с оружием в руках потребовать от России отказа от Польши... Война с Россией была бы единственным возможным путем спасти нашу честь и наши интересы по отношению к нашим славянским соседям и особенно к Польше».

Основоположники марксизма легко определяли интерес рабочего класса именно в войне против России: «Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику. ...[Рабочий класс] хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей».

Давление общественности сказалось и на развитии подрывной деятельности радикальных политических сил в самой России, и на позиции европейских государств. Очередной польский мятеж 1863 года хотя и свелся к диверсиям и террору, снова провоцировал европейские державы на войну с Россией, а русское общество – на революционные выступления. В некоторой степени эти надежды оказались ненапрасными: в России возбудились народники, открытое выступление радикальных революционных групп совместно со ссыльными поляками произошло в Казани. Русские эмигранты в Европе выступали в поддержку польских требований независимости, а Бакунин даже принимал участие в подготовке высадки десанта польских эмигрантов на Балтике (в районе современной Паланги). Не без помощи европейских союзников состоялся десант поляков на черноморском побережье Кавказа, где они намеревались поддержать горских повстанцев. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя, Ватикан предъявили России ультимативную дипломатическую ноту, в которой под угрозой войны предлагали решить судьбу Польши (подразумевая ее в границах 1772 года) на международном конгрессе.

В одном из писем Энгельсу, Маркс точно указал на «*тот исторический факт, что сила и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряются их отношением к Польше. Польша – их “внешний” термометр*». Теоретики мятежа зафиксировали, что радикализм оппозиции к правительству всегда сопровождался соответствующей же степенью радикализма требований оказать поддержку польским мятежникам.

На русской почве примером такого радикализма может служить позиция Льва Толстого, который на склоне лет, когда ему было уже за восемьдесят, стал «зеркалом русской революции», отражая все фобии общества по отношению к Российской Империи. Польская русофобия отразилась в нем в полной мере. Рассказом «За что?» Л. Н. Толстой выразил симпатию к мятежникам 1830 года и последующих польских восстаний. Рассказ написан на основании исторических сочинений «с польской точки зрения», сформированной французскими, немецкими и польскими авторами.

В своих к польским издателям письмах Толстой писал: «*Может быть, некоторые из моих писаний, как рассказ «За что?», письмо к Сенкевичу, а также только что законченная мной статья «Закон насилия и закон любви», посвященная, между прочим, вопросу об угнетения мелких народностей, могли бы представлять интерес для польской публики. Все они к вашим услугам*». С 1905–1907 сочувственные сочинения Толстого постоянно публиковались в предреволюционной Польше.

После каждого разгрома мятежников, польская эмиграция обостряла неприязнь европейской общественности к России и была удобной средой для взращивания антироссийских мифов и ведения пропагандистской войны против Российской Империи. Западное общество с удовольствием потребляло карикатурные «сведения» о России и разглядывало картинки, где монголоидного вида казаки пронзали пиками польских младенцев.

Польская пропаганда задолго до Гитлера сформировала расистский домysel о русских как об азиатах, совершенно чуждых европейской цивилизации. В своем неизбежном желании отторгнуть Украину от Империи, поляки (а вслед за ними и европейцы) стремились отделить малороссов от русский и всячески умастить их как «своих» в противовес «чужым», которыми признавались для Европы русские.

Польские повстанческие лидеры выпустили в 1830 году Манифест, в котором объявили своей целью «не допустить до Европы дикие орды Севера», «защитить права европейских народов». Сочувствующие мятежникам Маркс и Энгельс с тем же сочувствием усмотрели в лозунгах мятежников расистский смысл: «смерть монгольскому господству!»

В польской литературе было принято употреблять слова *Rossianin* (россиянин), *rossuiski* (российский) для великорусов, а слова *Rusin*, *ruski*, *Rus*, для обозначения малорусов и белорусов. В польских повстанческих прокламациях русских именовали «москвой», а украинцев и белорусов – русскими или русинами. Поляки всегда играли лидирующую роль в формировании украинского сепаратизма и «научном» обосновании отдельного происхождения украинцев и их расовых и языковых отличий от великороссов. В Париже вышел труд Франциска Духинского «Народы арийские и туранские», где утверждалось арийское происхождение поляков и «русских» (украинцев), а москалям приписывалось туранское (финно-монгольское) происхождение. При этом Русь (Украина) рассматривалась как провинция Польши, а «русский» (украинский) язык – как диалект польского. Язык великорусов («московский язык») европейский расист считал искаженным татаро-финскими варварами славянским наречием, принятым лишь под давлением Рюриковичей. Разумеется, научная несостоятельность этих измышлений в Европе мало кого беспокоила. Вековой страх перед Россией, обострившийся после блестящих побед русских в войне с Наполеоном, был доминантой европейского общественного сознания в течение всего XIX века.

Русская консервативная мысль постоянно вела борьбу против пропольских настроений в российском и европейском обществе. Журнал «Северная пчела» публиковал серию статей «Письма к другу за границу». Позиция русских консерваторов ясна по заголовкам: «О бреднях иностранных журналов», «Русская правда и чужеземная клевета» и др. Западные либералы, как пишут авторы «Северной пчелы», *«устремляют бессильные свои удары противу России... За что же этот гнев? За то, что Россия спокойна, счастлива, с негодованием отвергает лжеумствования, губящая народы, и твердая в Вере отцев своих, в преданности к Престолу, как исполинская и притом плодородная гора, стоит безвредно среди вулканов... Никогда Россия не была так сильна, как при Императоре Александре и в нынешнее время. Какое же употребление сделала Россия из своей силы? Освободила Европу от всемирного завоевателя, восстановила падшие народы и престолы, и обеспечила всем права и мудрые законы». «Какая цель врагов наших? Возбудить противу России ненависть Европы? За что же эта ненависть? За то, что Россия могущественна, спокойна, доброжелательна ко всем народам, гостеприимна и торжествует над врагами, дерзающими вызывать ее на поле битв... По первому слову Царя Русского, соберутся верные сыны России под знамена, разведавшиеся на берегах Евфрата и Сены, на вершинах Тавра, Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы...».*

Действительно, европейские державы не торопились крушить систему международных соглашений, уничтожать Священный Союз в угоду мятежникам. Европа еще помнила успехи русской армии. Австрия и Пруссия предпочли помогать России, Франция при первой вести о польском мятеже отправила Государю известие, что ни при каких условиях не поддержит мятежников, а Великобритания заявила о нейтралитете. Маркс и Энгельс в дальнейшем, характеризуя политику премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона, называли его «злейшим врагом» Польши и «пособником России».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.